

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПЕТЕР ЗАГЕР ОКСФОРД & КЕМБРИДЖ

НЕПРЕХОДЯЩАЯ ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛЬГИ МОРОЗОВОЙ

Мировой литературный и страноведческий бестселлер

Петер Загер

**Оксфорд и Кембридж.
Непреходящая история**

«Издательство Ольги Морозовой»

2005

УДК 821.112.2.3
ББК 84(4Гем)6-44

Загер П.

Оксфорд и Кембридж. Непреходящая история / П. Загер —
«Издательство Ольги Морозовой», 2005 — (Мировой
литературный и страноведческий бестселлер)

ISBN 978-5-98695-044-0

«Если бы Оксфорд не был самым прекрасным, что есть в Англии, Кембриджу стало бы несколько легче», – писал Генри Джеймс. Оксфорд воспитал больше премьер-министров, зато Кембридж – больше лауреатов Нобелевской премии. В течение почти 800 лет две столицы английской интеллектуальной жизни распространяют свое влияние по всему миру, выпуская не только политических лидеров, но и лучших шпионов, церковных деятелей, а также великое множество литераторов. Петер Загер, опираясь на бесценный клад фактов и анекдотов, создал подробную и остроумную историю Оксбриджа (термин, придуманный Уильямом Теккереем). Что не менее важно – попутно автор раскрыл массу секретов, таящихся за воротами колледжей. Замечательные изыскания подкреплены фотографиями, картами, толковым словарем, списком полезных адресов и библиографией.

УДК 821.112.2.3
ББК 84(4Гем)6-44

ISBN 978-5-98695-044-0

© Загер П., 2005
© Издательство Ольги
Морозовой, 2005

Содержание

Предисловие	6
Оксбридж: непохожие близнецы	8
«It's fuck a fresher week!»[19]	14
Гром среди ясного неба[30]: регби, «Бумс!»[31] и гребная гонка	18
Студенческие клубы: «Жирные бастарды» и «Игроки в блошки»	22
Оксфорд. История и культура	24
Переполах у Бычьего брода: краткая история Оксфорда	24
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петер Загер
Оксфорд и Кэмбридж.
Непреходящая история

© Издательство Ольги Морозовой, 2017

© В. Агафонова, перевод, 2012

© Е. Соколова, перевод, 2012

© К. Савельев, перевод, 2012

* * *

Предисловие

За океаном насчитывается около тридцати Оксфордов и двадцать пять Кембриджей. Но в этой книге речь идет о первоисточниках – об истории двух городов, чьи названия превратились в синонимы понятия «элитарность», и о культурном мифе, отпечаток которого не спутаешь ни с чем.

Когда я работал над книгой, выпускник Оксфорда Тони Блэр во второй раз стал британским премьер-министром. Его соперник от Партии консерваторов также был оксфордцем. В Оксфорде учился и недавний президент США Билл Клинтон, и госминистр культуры Германии Михаэль Науманн. Складывается впечатление, что оксбриджская сеть тянется до газеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: один из ее издателей Франк Ширрмахер учился в Кембридже, а известный дональдист¹, заведующий отделом фельетонов Патрик Банерс окончил Оксфорд. Действительно, на удивление много немцев, от Теодора Адорно до Петера Задека, обладают более или менее полезным оксбриджским опытом.

Оксфорд и Кембридж – столицы знания, духовные жизненные формы, а не просто педагогические модели, и поскольку со времен Средневековья они сами себя утверждали и обновляли в соответствии с веяниями времени, а иногда и наперекор им, нынешний Оксбридж – не просто знак качества. Несмотря на то что на извилистых тропах этого двойного пейзажа вы будете знакомиться с колледжами, преподавателями и студентами, моя книга вовсе не путеводитель по университетам. Я хотел показать одно: никакое онлайн-образование не заменит очарования Оксфорда и Кембриджа. Не зря Эрнст-Людвиг Виннакер, президент Германского общества научных исследований, называет эти два лучших европейских университета, когда говорит о масштабах проблем в современной немецкой системе высшего образования.

И еще кое-что. Ныне все уже не так просто, как в викторианские времена. Тогда Бенджамин Джоуэтт, глава Баллиол-колледжа, сам по себе был городской достопримечательностью. Перед его квартирой на Брод-стрит экскурсовод замирал, указывая на окно, за которым работал знаменитый профессор, потом нагибался, чтобы подобрать несколько камешков, бросал их в стекло и провозглашал: «А вот и великий человек собственной персоной!»

Проведя большую часть жизни в Оксфорде и Кембридже – сначала студентом, затем тьютором², профессором и ректором колледжа, – историк Хью Тревор-Роупер подводит итог: «Кто в действительности может знать тот или иной оксфордский (или кембриджский) колледж? В глубинах там прячутся новые глубины, во рвах – новые рвы... В этих небольших ученых сообществах ничто не является тем, чем кажется». За то, что мне, чужаку, удалось пройти хотя бы некоторыми тропинками этого академического лабиринта, я благодарен многим организациям и их сотрудникам; в Оксфорде – доктору Норме Обертин-Поттер (Кодрингтонская библиотека, Олл-Соулз-колледж), К. Дж. Бакли (клуб «Оксфорд-Юнион»), лорду Ральфу Дарендорфу (колледж Св. Антония), Майклу Хини (Бодлианская библиотека), Энн Пастернак-Слейтер (колледж Св. Анны), доктору Бенджамину Томпсону (Сомервиллколледж); в Кембридже – Дж. К. Кэннеллу (Паркеровская библиотека, Корпус-Кристи-колледж), доктору Х. Диксону (Кингз-колледж), Джонатану Хэррисону (библиотека Сент-Джонс-колледжа), Дэвиду Дж. Хиллу (Кембриджская университетская библиотека), доктору Ричарду Лаккетту (Магдален-колледж), Э.П. Симму (Тринити-колледж), доктору Дэвиду Маккитеру (библиотека Тринити-колледжа), доктору Тессе Стоун (Ньюэм-колледж), доктору Дэвиду Уоткину (Питерхаус-колледж), Брайану Хьюмэну (Кембриджский городской совет).

¹ Эксперт по диснеевским комиксам и мультфильмам об утенке Дональде Даке.

² Руководитель группы студентов, ведущий определенное направление, особенно в начале обучения.

Очень обязан я и двум своим оксбриджским друзьям – писателю и переводчику Дэвиду Генри Уилсону, разъяснившему мне тонкости вроде «оксфордской запятой», и тогдашнему маршалу³ Оксфордского университета, начальнику полиции города Теду Исту, столь же искусно проведшему меня по пабам и проблемам *town & gown*⁴.

За многочисленные полезные замечания благодарю своих друзей – Пенелопу Брэй и Джона О. Вейча (Сидней-Сассекс-колледж, Кембридж), доктора Уинфрида Кноха (Бонн) и доктора Эльке Р. Вейверз (городская и университетская библиотеки Гамбурга). И вновь сердечно благодарю Инге Хезель из Скандинавских морских путей (Гамбург).

Я искренне рад, что издателями книги выступили Ида и Клаус Шёффлинг, искренне увлеченные темой Оксбриджа. Спасибо им за это.

Я был счастлив найти в лице Джейми Кемплина издателя, который с энтузиазмом взялся за этот проект, и безмерно благодарен издательству *Thames & Hudson* за кропотливую редакторскую работу.

Моей жене, Эльзе Марии, открывшей мне глаза на самые необыкновенные цветы Оксбриджа, посвящаю я эту книгу, и нашей дочери Лауре, которая только что переехала в Остин, в университет штата Техас.

*Гамбург,
весна 2005 г.*

³ Помощник инспектора в Оксфордском университете.

⁴ Жители Оксфорда и Кембриджа, включая студентов и профессуру; местные обычаи и традиции. Термин имеет дополнительную смысловую нагрузку как синтез противоположных и взаимно дополняющих начал.

Оксбридж: непохожие близнецы

– Будущие премьер-министры учатся не в Дареме, – сообщил он матери.

– Как насчет Кембриджа? – спросила она.

– Никаких политических традиций, – отозвался Саймон.

– Но что, если на место в Оксфорде нет шансов?

Джефффри Арчер. «Соперники» (1985)

Оксфорд и Кембридж – самые необычные места на Британских островах. Города эти расположены примерно в ста пятидесяти километрах друг от друга, но соответствующие топонимы чаще всего произносятся на одном дыхании, порой даже объединяя: «Оксбридж». На духовной карте страны это место расположено где-то в облаках над Центральной Англией: остров над островом; элитарный, но и достаточно популярный, чтобы раз в год миллионы зрителей с упоением следили, как два в остальном совершенно им безразличных университета, соревнуясь в академической гребле, ведут самую жесткую в мире дуэль восьмерок.

Иные места со временем образуют понятия, прочные как «шеффилдская сталь» или «манчестерский капитализм». Оксфорд и Кембридж – из другого теста: это Диоскуры, Кастор и Поллукс, особые созвездия на академическом небосклоне, не сравнимые между собой и не соединяемые ничем, кроме разве что заморских своих отражений – Гарварда и Йеля. На деле все обстоит именно так, как пишет Хавьер Мариас⁵: «Выпускники Оксфорда с невольным презрением реагируют на выпускников всех университетов мира, оказывая при этом особое уважение выпускникам Кембриджа (которое нередко проявляется лишь в виде застарелой глубинной ненависти), как будто они могут хорошо себя чувствовать лишь в обществе тех, с кем вынуждены делить свою избранность».

Понятие «Оксбридж» гораздо моложе, чем Оксфорд и Кембридж. Этот синтетический термин ввел в обиход Уильям Теккерей в морализаторском романе «Истории Пенденниса» (1848–1850). Его герой Артур Пенденнис учится и терпит крах в «колледже Св. Бонифация, Оксбридж». Лишь в середине XX века это выдуманное слово (в отличие от аналогичного «Кемфорд») стало общеупотребительным. Понятие «Оксбридж» само по себе, равно как и широкое распространение этого «лишенного почтительности обозначения», свидетельствует о конце мифа, или, как написал в 1970 году Эрик Уильям Хитон, бывший тогда старшим тьютором в оксфордском Сент-Джонс-колледже: «Раньше люди шли учиться в Оксфорд или в Кембридж. Теперь Оксбридж представляет собой альтернативу десяткам университетов, появившихся с тех пор в Англии». Все высшие учебные заведения, с начала XIX века открывавшиеся в провинции и в Лондоне, бросая тем самым вызов исторической монополии Оксфорда и Кембриджа, на самом деле коренным образом отличаются от них и по духу, и по материалу: сначала их строили из кирпича, потом из стекла и бетона. Но ведь и в Оксбридже возникли с тех пор новостройки в стиле *redbrick*⁶ и *plateglass*⁷ – хоть какое-то разнообразие для немногих счастливых в старинных стенах их колледжей!

На протяжении столетий Оксфорд и Кембридж оставались единственными университетами в Англии. Оба берут начало в Средневековье, в мире монастырей. В тогдашней среде европейских студентов – от Парижа до Оксфорда, от Падуи до Кембриджа – латынь служила своеобразным эсперанто, замешанном на греческой философии и христианской морали. После

⁵ Роман Х. Мариаса «Все души» (1989) цит. в переводе А. Косс.

⁶ То есть из красного кирпича (*анг.*). В современном *англ.* яз. имеется устойчивое выражение: *redbrick university* для обозначения «новых» университетов, основанных после 1800 г.

⁷ То есть зеркальное стекло (*анг.*). Обозначение современного архитектурного направления («стекло и бетон»).

Реформации английским колледжам, существовавшим на частные пожертвования, удалось пережить роспуск монастырей. Королевские декреты и парламентские акты гарантировали им автономию. Оксбридж балансировал между Церковью и короной, пользуясь привилегиями и как «республика духа», и как «питомник элиты».

Когда Англиканская церковь обрела статус государственной, королевская власть позаботилась о том, чтобы университеты по-прежнему пребывали в атмосфере лояльности и покоя. За вихрями гражданской войны⁸ последовал Акт о единообразии⁹ 1662 года, который исключил из колледжей католиков, иудеев и прочих неконформистов вплоть до середины XIX века. Теперь каждый оксфордский студент уже в момент матрикуляции (зачисления в университет) должен был присягнуть англиканским догматам¹⁰, а кембриджский – при присуждении академической степени. Таким образом, иноверцы по крайней мере могли учиться там, хотя и без надежды на ученую степень.

Никакие иные частные институты в Англии не оказали такого сильного влияния на развитие страны, как эти два университета, ее двуглавая интеллектуальная верхушка. Оксбридж поставлял государству и Церкви чиновников, священников, учителей, распространявших по стране английский литературный язык и порожденную им культуру, однородную элиту, чье чувство долга по интенсивности уступало разве что их же собственной уверенности в собственных силах, – классическая комбинация предпосылок для успешного решения любых управленческих задач, поставленных Империей и королевской властью. При этом Оксфорд и Кембридж представляли собой нечто гораздо большее, чем просто национальную кузницу кадров. Среди выпускников были не только премьер-министры, но и умнейшие шпионы, завербованные коммунистами; не только епископы, но и величайшие еретики и реформаторы Церкви (Джон Уиклиф, Джон Уэсли, кардинал Ньюмен); провокаторы от литературы (от лорда Байрона до Салмана Рушди); революционеры естествознания (Исаак Ньютон, Эрнест Резерфорд, Стивен Хоукинг); все инакомыслящие и эксцентрики, каким культура Великобритании обязана многообразием и полнотой. И потому даже левые радикалы вроде Бертрانا Рассела всегда отстаивали роль Оксфорда и Кембриджа в формировании духовной элиты: «Эти университеты наилучшим образом приспособлены для формирования «людей первого сорта», хотя уверенность, которую там прививают, может причинить вред «людям второго сорта», ощущающим себя изгоями».

В Средние века – цитадель схоластики, начиная с эпохи Тюдоров – школа лучших администраторов королевства. А сегодня? И до наших дней влияние Оксфорда и Кембриджа в среде сильных мира сего весьма ощутимо. Как у сторонников, так и у противников обоих университетов есть любимая социально ориентированная игра – Большие Оксбриджские гонки.

Кто откуда в высших эшелонах власти?

Новый директор Национальной лондонской галереи Чарльз Сомэризм Смит – выпускник Кембриджа, так же как и руководитель Национального театра Николас Хитнер, а во главе Британского музея теперь стоит шотландец из Оксфорда Нил Макгрегор. Оксфорд окончил и действующий посол Британии в Берлине – сэр Пол Левер. В начале 1990-х годов в нижнюю палату парламента пришли триста семьдесят представителей консерваторов, сто шестьдесят шесть из них – выпускники Оксфорда и Кембриджа. В кабинете министров Маргарет Тэтчер, знаменитой Леди Оксфорд, из двадцати двух министров девять окончили Кембридж. Ее последователь Джон Мейджор – первый после 1945 года премьер-министр без «нормального

⁸ Ряд конфликтов между сторонниками Карла I и сторонниками парламента с 1642 по 1652 г.

⁹ Акт о Единообразии, впервые изданный в Британии в 1549 г., переизданный в нескольких редакциях и частично действующий до сих пор, утверждал ведущую роль Англиканской церкви и ограничивал права остальных вероисповеданий, прежде всего католичества.

¹⁰ «Тридцать девять статей» – главный доктринальный документ Англиканской церкви, принятый в нынешней редакции на Соборе 1563 г. на основе прежних сорока двух статей, составленных Т. Кранмером в 1552 г.

образования» – постарался немедленно компенсировать этот недостаток, пригласив в свой кабинет десять министров-оксфордцев и шесть кембриджцев. Как показали дальнейшие события, именно это и стало слишком тяжелым бременем для сына циркового артиста. За ним вновь последовал оксфордец – Тони Блэр. Выпускник Кембриджа директор службы премьер-министра по стратегическому развитию и коммуникациям Алистер Кемпбелл устроил его спикером верхней палаты. Даже после победы «новых лейбористов» каждый шестой парламентарий – выпускник Оксфорда.

Более половины высших чиновников Уайтхолла окончили Оксфорд или Кембридж. Бонзы государственных служб, в первую очередь Министерства иностранных дел, предпочитают подбирать молодые кадры среди выпускников Оксбриджа. Птицы высокого полета с синими или голубыми крыльями, как правило, занимают сорок – пятьдесят процентов тех считанных мест, на которые ежегодно претендуют будущие управленцы. Кстати, среди лондонских адвокатов их процентное соотношение еще выше. Так что будь то Уайтхолл или Флит-стрит¹¹, *BBC* или *Citi Bank* – до сих пор самым надежным билетом в бельэтаж британской элиты считается диплом Оксбриджа. Самовоспроизводящаяся элита, штампующая миф о самой себе: высокое качество гарантировано столетиями. «Нас повсюду считают достойными лучшего, – сказала мне Шон Гриффитс, президент студенческого профсоюза, – хотя это отнюдь не всегда соответствует действительности. Но люди верят, и это работает». Правда, несмотря на открытие нового эксклюзивного интернет-агентства по трудоустройству *Oxbridgejobs.com, the old school tie*¹² все-таки уже не является автоматической гарантией получения хорошей работы.

Трое безработных гуманитариев из Оксфорда однажды встретились в Лондоне. Во избежание голодной смерти они договорились тянуть жребий. Тот, кому выпадет самая короткая соломинка, кончает жизнь самоубийством. Двое других, чьи соломинки чуть длиннее, продают труп «для нужд естествознания». Сказано – сделано. Погрузив мертвого однокашника в телегу, двое уехали. Через немалое время они жаловались: «Безнадежно. Все хотят естествоиспытателя из Кембриджа!». В анекдоте, придуманном «пролетариатом академической элиты», речь идет не просто о лондонском рынке рабочих мест, а о чем-то более важном: о конкуренции между Оксфордом и Кембриджем. Соперничество их гораздо старше, чем знаменитые лодочные гонки, и много сложнее, чем крикет. «Если бы Оксфорд не был самым прекрасным, что есть в Англии, Кембриджу стало бы несколько легче», – сказал Генри Джеймс. Но действительно ли Оксфорд и Кембридж так сильно отличаются друг от друга? Или даже сильнее, чем предполагают сами?

Оба городка расположены на берегах рек: Кема¹³ (Кембридж) и Темзы (Оксфорд). Основанные вблизи переправ и мостов, оба довольно быстро превратились в торговые центры с собственными ярмарками и рынками. Однако расположение Оксфорда несколько удобнее – в самом центре Англии, в урбанизированной долине Темзы, вблизи королевских резиденций. Кембридж лежит несколько в стороне, в изоляции и глуши, по сей день оставаясь спокойным городком. Он совершенно иной, чем индустриальный Оксфорд. Эти два города, в сущности, ничто не связывает; между ними нет даже нормальной дороги. Объединяет их только одно: университеты (которые, правда, местным жителям нужны меньше всего). Когда в городках возникли университеты, их развитие пошло разными путями. В результате Оксфорд – это город с университетом, а Кембридж – университет, тянущий на буксире небольшой городок.

¹¹ Улица в Лондоне, на которой расположены старейшие в Британии издательские дома. Ассоциируется с журналистикой и прессой.

¹² Галстук старой школы (*англ.*). Устойчивое выражение, применяемое к выпускникам того или иного престижного университета.

¹³ Сейчас главная река в Кембридже носит название Кем, в прошлом она называлась Гранта. В деревнях выше и ниже по течению это название сохранилось.

Но и двигаясь каждый своей дорогой, Оксфорд и Кембридж теперь неразрывно связаны друг с другом, словно Адам и Ева. И хотя библейская история о происхождении Евы из ребра Адама уже не возмущает ни одну феминистку, только попробуйте напомнить кембриджцу, что его университет был основан выходцами из Оксфорда! Дата: 1209 год. Повод – весьма темный. Возможно, убийство. Это отнюдь не назидательная история. Кембридж – оксфордская колония, филиал, открытый почти через сто лет после начала учебного процесса в самом Оксфорде! Такие опоздания нельзя наверстать. Те, у кого есть старшие братья или сестры, знакомы с проблемой. Ты навсегда остаешься вторым, даже если часто бываешь первым. Зато небольшая оплошность в рождении, если так можно сказать, порождает бесконечную конкуренцию, окрыляет фантазию, дарит удивленному миру прекрасное зрелище подлинной борьбы: на полях науки, спорта, политики, искусства, риторики и других, порой совершенно абсурдных.

«Оксфорд – для овладения искусствами, Кембридж – для овладения наукой»; там гуманитарии, тут естественники. Формулы подобного рода, сколь бы ни были они популярны, описывают имеющиеся различия не более чем наполовину. В нынешнем Оксфорде естественно-научная традиция, восходящая к Роджеру Бэкону, столь же сильна, хотя теология и играла ведущую роль там несколько дольше, чем в университете, выучившем Ньютона и Дарвина. Или, к примеру, математика – тоже одна из сильных сторон Кембриджа. Однако самого удивительного математика в мире выучил Оксфорд: это Льюис Кэрролл, заманивший свою Алису из Страны чудес в волшебное пространство по ту сторону самой возможности сравнения. В трезвомыслящем Кембридже на тридцать лет раньше, чем в Оксфорде, был основан технопарк с прибыльными фирмами по разработке высоких технологий.

Среди выпускников Кембриджа больше нобелевских лауреатов, а вот премьер-министры чаще получают из оксфордцев. Эттли, Иден, Макмиллан, Дуглас-Хоум, Уилсон, Хит, Тэтчер, Блэр – словно на Даунинг-стрит, 10 расположен филиал Оксфорда.

Но гордый дух Кембриджа не очень впечатлен этим. Оксфордцы верят, что правят миром, в то время как обитателям Кембриджа это безразлично. Начиная с 1930-х годов, со времен Стэнли Болдуина, Кембридж не выпустил ни одного премьер-министра. Зато сколько шпионов! Энтони Блант, Гай Бёрджесс и его друг Ким Филби, «третий человек» Грэма Грина¹⁴, – самые известные шпионы, работавшие на СССР, вышли из левого крыла Кембриджа.

Надо отметить, правда, что именно эта специализация не пробуждает у Оксфорда желания бороться за первенство, хотя там тоже имелась прокоммунистическая агентурная группировка – причем нераскрытая, ибо она никогда по-настоящему не выходила из подполья. Однако предатели 1930-х – чисто кембриджское явление.

Некий оксфордский историк предложил провокационное объяснение: в поисках абсолютной моральной истины кембриджцы гораздо в большей степени склонны к послушному следованию за гуру, чем скептически настроенные обитатели Оксфорда, где куда охотнее подвергают сомнению авторитеты и догмы. «Именно это интеллектуальное различие, как мне кажется, объясняет, почему Кембридж гораздо раньше Оксфорда поддался искушениям и соблазнам абсолютной уверенности, исходящим от вербовщиков из коммунистической России», – писал Хью Тревор-Роупер.

Корни описанной морали восходят к истории неконформистского Кембриджа. Там ведь учились и Томас Кранмер, и Хью Латимер, и Николас Ридли – инициаторы и мученики английской Реформации, о которых историк Томас Маколей (выпускник Кембриджа) писал: «Кембриджу выпала честь обучить прославленных протестантских епископов, всерьез пошатнувших репутацию Оксфорда». Так что оба университета отлично дополняли друг друга.

В Кембридже учились Оливер Кромвель и Джон Мильтон. Это был университет пуритан, а в годы гражданской войны – опорный пункт парламентских войск. Оксфорд же, старин-

¹⁴ Имеется в виду роман Г. Грина «Третий человек» (1949).

ный бастион католичества, превратился тогда в штаб-квартиру Карла I, рупор роялизма. Когда позднее на трон взошли представители дома Ганноверов, Кембридж доказал им свою лояльность, и в подарок «университету вигов» Георг I преподнес роскошную библиотеку. В Оксфорд же он в том же 1775 году направил кавалерийский полк, поскольку ведущее академическое учреждение партии тори все еще проявляло симпатии к католикам и якобинцам.

Тот, кто потратит достаточно много времени на изучение подобных историй, в конце концов придет к убеждению, что в Оксфорде и поныне ощущается англо-католическое наследие барокко: там царит атмосфера более легкомысленная, пронизанная ленью, в то время как в Кембридже процветает более строгий, доходящий порой до педантичности дух пуританства и пуризма. Иными словами, даже дождь там суше, чем в Оксфорде. «В Оксфорде ярче формулировки, в Кембридже глубже мысли», – полагает преподаватель Сомервилл-колледжа Бенджамин Томпсон, хорошо знакомый с обоими университетами. Кембридж славится тем, что воспринимает все слишком серьезно, в первую очередь – себя. В Оксфорде культивируют легкость мысли, слабость к чудачкам, эксцентрикам и к прочим безнадежным случаям. Разобраться в тонкостях помогает «испытание Монти Пайтона»¹⁵. Знаменитый секстет классических английских комиков, за единственным исключением, состоит из выпускников Оксбриджа. Каждый выбрал себе стиль и амплуа в соответствии с *alma mater*. Оксфордцы (Майкл Пейлин и Терри Джонс) ведут себя абсурдно и зрелищно, однако проявляют при этом сердечность, а кембриджцы (Джон Клиз, Грэм Чепмен и Эрик Айдл) логичны, бесцеремонны и полны сарказма. В целом же «Монти Пайтон» наглядно демонстрирует, как хорошо Оксфорд и Кембридж ладят между собой, взаимно дополняя друг друга, подобно противоположным началам Инь и Ян.

Говоря об извечном сопернике, обе стороны предпочитают пользоваться эвфемизмом *the other place* (другое место) – словно большей противоположности, большего падения вообразить невозможно. Бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер, почетный доктор Оксфордского университета, в 1994 году получил аналогичное отличие и в Кембридже. То, что у него уже имелась оксфордская степень, в Кембридже прокомментировали так: «Не переживайте, в жизни всегда есть место самосовершенствованию».

О том, чьим духовным сыном является, выпускник Оксфорда сигнализирует самой своей ученой степенью: *D.Phil.* (если защитился в Оксфорде) или *Ph.D.*¹⁶ (если в Кембридже). Академический курьез? Напротив, один из тончайших нюансов, соблюдаемых с точностью до буквы. По той же причине в Оксфорде пишут *Encyclopaedia* – с *a* посередине, а в Кембридже обходятся без нее: *Encyclopedia*. Ну и, разумеется, невозможно допустить, чтобы *Magdalen College* (Магдален-колледж) в Оксфорде перепутали с кембриджским *Magdalene College* (Магдален-колледжем) или оксфордский *Queen's* (Куинс-колледж) с кембриджским *Queens*¹⁷ (Куинс-колледжем): если последний был основан при участии двух королей, то у истоков его оксфордского аналога стояла только одна. Даже если колледжи в этих университетах называются одинаково, они все равно носят имена разных святых: так, Сент-Джонс-колледж в Оксфорде наречен в честь Иоанна Крестителя, а в Кембридже – в честь Иоанна-евангелиста.

Да, Оксфорд и Кембридж похожи друг на друга, как Шалтай и Болтай. Иными словами, как сказала бы Алиса, совершенно не похожи. «Это было Зазеркалье, отраженный в зеркале мир, – констатировал Роберт Грейвз, приехавший из Оксфорда в Кембридж в 1923 году. – Все очень похожее и вместе с тем тревожно иное». Часы, отведенные для бесед студента с

¹⁵ «Монти Пайтон» – комик-группа из Великобритании (Т. Джонс, Дж. Клиз, М. Пейлин, Г. Чепмен, Э. Айдл, Т. Гиллиам). Первый совместный проект – комедийное шоу «Летающий цирк Монти Пайтона» (сорок пять серий) выходил в 1969–1974 гг. на ВВС. Позднее снято четыре полнометражных фильма.

¹⁶ Оба наименования обозначают ученую степень доктора философии, условно аналогичную российской ученой степени кандидата наук.

¹⁷ Грамматически английское слово *Queen's* означает «королевский = принадлежащий королеве», в то время как *Queens'* – «принадлежащий нескольким королевам».

тьютором, в Оксфорде называются *Tutorial*, в Кембридже – *Supervision*. Внутренние дворы колледжей – *Quad* и *Court* соответственно; общие помещения – *Common Room* в Оксфорде и *Combination Room* сами знаете, где. Средний триместр – *Hillary* в Оксфорде, а в Кембридже – *Lent*; у первых экзаменов по античной филологии – *Greats*, у вторых – *Mays*.

Даже известный американский англофил Генри Джеймс оказался, увы, не способен разобрататься в этих тонкостях: «Когда я говорю «Оксфорд», подразумеваю «Кембридж», ибо иностранец, кем бы он ни был, не дает себе труда почувствовать разницу». А ведь все остальное ничуть не менее логично, чем апостроф в *Queens'*. В Оксфорде ежегодная гонка по академической гребле носит наименование *Eights* («Восьмерки»), в Кембридже – *Mays* – несмотря даже на то, что проводится вовсе не в мае, а в июне.

И на Кеме, и на Черуэлле одинаково популярны *punting* (толкалки) – гонки на плоскодонных яликах, – хотя излюбленные стили передвижения различны, как нос и корма.

В Кембридже человек стоит на палубе сзади и веслом толкает вперед остроносую лодку, а в Оксфорде – корма впереди, человек с шестом на носу. О том, чья позиция – оксфордская или кембриджская – правильнее, спорили иногда так страстно, словно речь шла о Камасутре. И так вплоть до 1967 года, когда на Кеме появился новый тип лодок – с палубами и на корме, и на носу.

Вот так они и конкурировали друг с другом на воде и на суше, сражаясь за спортивные кубки, Нобелевские премии и исследовательские гранты, за академический престиж и политическое влияние – вечные соперники вроде Афин и Фив, Глазго и Эдинбурга. В Оксфорде древнее университет, в Кембридже – университетская типография. Хотя издательство *Oxford University Press* выпустило почти в четыре раза больше книг, чем кембриджские конкуренты. И вовсе не в Кембридже, а в Оксфорде издается *The Cambridge Quarterly* – единственный в мире ежеквартальный журнал, выходящий три раза в год. Как бы то ни было, *the other place* обладает собственной логикой. Академическая казуистика, скажете вы? Ну да, различия минимальны. И культивировать их надлежит тем строже, чем меньшую роль они в действительности играют.

Лишь с большой неохотой те и другие признаются, что общего все-таки гораздо больше, чем различий. И при Якове I, исследуя Библию, да и позднее, сотрудничая с Кавендишской и Кларендонской лабораториями, оксфордцы и кембриджцы прекрасно трудились совместно. Немалое число лучших ученых страны учились в обоих университетах, вплоть до Джорджа Стайнера, классического двойного оксбриджца.

Корпус-Кристи-колледж (название можно перевести как колледж Тела Христова) – тоже из дублей, имеющих в обоих университетах, – в 1999 году пригласил преподавателем первого оксбриджского дона¹⁸, историка Дэвида Стоуна, по переменам по два года учившегося то там, то тут. Да и вообще, в каком еще месте на белом свете, кроме Объединенного университетского клуба Оксфорда и Кембриджа, возможно соблюдать столь тонкие различия?

Клуб этот, основанный в 1817 году, существует и поныне, располагаясь в одном из классических палаццо на лондонской улице Пэл-Мэл – один из эксклюзивных клубных адресов столицы. Примерно четырем тысячам его членов со всего мира открыт вход в роскошные бильярдные, залы для игры в бридж и сквош, сорок пять спальных комнат, рестораны, библиотеку, располагающую двадцатью двумя тысячами томов, и винный погреб, насчитывающий вдвое больше бутылок. Это последняя, самая благородная крепость оксбриджских мужчин. Женщинам – членам клуба до недавнего времени запрещалось пользоваться главной лестницей, библиотекой и баром. Равные с мужчинами права в клубе женщины Оксбриджа получили лишь в 1996 году.

¹⁸ Ст. преподаватель, член совета колледжа в Оксфорде или Кембридже. От лат. *Dominus* – главный ученый.

«It's fuck a fresher week!¹⁹» Женщины в Оксбридже

*Большая прелесть Оксфорда, а на самом деле вся прелесть Оксфорда – в том, что там нет девушек.
Комптон Макензи. «Синистер-стрит» (1914)*

10 октября 1986 года над привратницей Магдален-колледжа в Кембридже развевался черный флаг. Многие студенты надели черные или темно-коричневые галстуки и траурные повязки. Неужели умер кто-то из товарищей, а то и знаменитый профессор, или, не дай бог, ректор? Нет! Случилось нечто гораздо худшее, по крайней мере для мачо из Магдален-колледжа: последний в Оксбридже мужской бастион накануне принял решение обучать и девушек, впервые за четыреста сорок четыре года. В тот же месяц некоторые студенты объединились в клуб «Черный октябрь», дабы каждый год со всей мыслимой эксклюзивностью отмечать годовщину великого несчастья.²⁰

А несколько лет спустя бурлит уже Оксфорд. Окна Сомервилл-колледжа залеплены стикерами и постерами с красными надписями: «НЕТ» или «ДА». Голосование по поводу реформы образования? За лейбористов? Против вхождения Великобритании в еврозону? Нет, впервые за сто тринадцать лет существования женского колледжа решается гораздо более важный вопрос: принимать или не принимать студентов-мужчин. *Sommerville's got enough balls*²¹ – написано на футболках протестующих студенток или: *We don't need go mix*²². Споры продолжались два года, потом в колледже появились первые юноши.

История борьбы за равноправие оксбриджских женщин полна странных событий. Это теперь девушки входят и выходят из колледжей, словно так было всегда. Но достаточно одного взгляда на стены холлов и залов, увешанных портретами знаменитостей прошлого – известных воспитанников, выдающихся профессоров, – сплошь парадные портреты мужчин. На этой академической «ярмарке тщеславия» женское лицо все еще большая редкость. В уставах всех без исключения колледжей имелся фундаментальный параграф: «Ни одна женщина не может вступить в данный колледж». Вплоть до 1874 года для членов конгрегации колледжей действовал также запрет на женитьбу. Даже *scouts* (прислуга студентов) могла быть только мужского пола. По своему монастырскому происхождению колледжи – хранящие целибат вотчины книжной учености, школяров и хористов, магистров и бакалавров, джентльменов и итонских мальчиков – мир мужчин в ватиканской концентрации.

О «патриархальном механизме» Оксфорда и Кембриджа писала Вирджиния Вулф: «Все наши родственники мужского пола в свой срок заглывались этой машиной и потом, в возрасте лет примерно шестидесяти, вновь всплывали где-нибудь далеко – директорами школ, адмиралами, членами кабинета, юристами».

Между тем даже некоторые старейшие колледжи Оксбриджа были основаны женщинами. Например, Баллиол-колледж, названный в честь рыцаря XIII века, едва ли появился бы, если бы не энергия его вдовы Дерворгиллы, равно как и оксфордский Уодхэм-колледж, который не

¹⁹ Что-то вроде «Чертова неделя новичков!» (*ang.*). Выражение содержит сексуальные коннотации и подразумевает появление новых девушек.

²⁰ Двусмысленность, основанная на омонимичности английского *balls* (баллы) и *balls* (яйца): «У Сомервилла достаточно баллов...»

²¹ Букв.: существо женского пола, не имеющее степени бакалавра.

²² Игра слов: *to go mixed* – стать смешанной (школой), *to mix* – смешивать, взбивать (посредством миксера, мясорубки). Что-то вроде «Нам не нужно становиться смешанной школой / мы не нуждаемся в мясорубке».

возник бы, не будь Доротеи Уодхэм. Именно она догадалась разместить библиотеку прямо над кухней, чтобы книги постоянно подсушивались. Шесть из старейших колледжей Кембриджа также обязаны появлением женщинам. Однако до второй половины XIX века не было ни одного колледжа для женщин.

В Англии, как и везде, умным женщинам предпочитали утонченных и красивых женщин. Именно в лондонском салоне леди Монтегю около 1750 года родилось понятие «синий чулок». Ярлык «синий чулок» (так именовали ученых девиц на языке предрассудков, выходящем за рамки разумного) прочно закрепился за воспитанницами первого в Англии интерната, дающего девушкам университетское образование, – Гёртон-колледжа в Кембридже, основанного в 1869 году. Инициатор его основания Эмили Дэвис поселила своих воспитанниц в деревушке на окраине города, на безопасном расстоянии от мужских колледжей. Студенткам предстоял неблизкий путь: три километра до лекционных залов и почти восемьдесят лет до признания колледжа полноправной частью университета. (В Германии женщины получили право обучаться в университетах Фрайбурга и Гейдельберга лишь в 1900 году.)

Вторым по счету, тоже в Кембридже, был основан женский Ньонэм-колледж (1775). Лишь потом настал черед консервативного Оксфорда. Ассоциация за женское образование в 1878 году открыла там Леди-Маргарет-холл, именуемый в народе *LMH* (ЛМХ), а вслед за ним в 1879 году – Сомервилл-колледж. И если в Кембридже следующие два женских колледжа появились лишь во второй половине XX века – Нью-холл и Люси-Кавендиш-колледж, то в Оксфорде еще до конца XIX века возникли три: Сент-Хьюз-колледж, колледж Св. Анны и колледж Св. Хильды.

Чтобы новички в Оксбридже не оробели, первая лекция знакомит их с университетами. Для девушек она, наверное, самая мучительная. Все, что столь щедро разлито в окружающей академической атмосфере (aura многовековой истории, древняя архитектура, богатые библиотеки, сады, спортивные площадки), принадлежит мужчинам, и со всей этой роскошью, веками накапливавшейся ученостью, уютом и эксклюзивностью, их колледжи никогда не смогут конкурировать, причем девушки это знают. Тем решительнее борются они за то, чего могут добиться: за одинаковое для всех образование, равные академические права.

Лишь постепенно места их поселения превращались в полноценные колледжи с собственным учебным процессом. Несмотря на либерализм коллег, официальная университетская политика долго оставалась ограничительной. То и дело проводились кампании и митинги. В мае 1897 года полноправные члены Кембриджского университета должны были проголосовать «за» или «против» права женщин на получение академических степеней. Подавляющее большинство проголосовало «против» и до поздней ночи праздновало победу на рыночной площади. В 1884 году в своей проповеди декан Дж. В. Бертон с библейским апломбом уверял студенток Оксфорда: «Низшими по отношению к нам создал вас Бог и низшими до конца времен вы останетесь». Еще в середине 1930-х годов, по воспоминаниям писателя Найджела Николсона, профессор истории в Хэртфорд-колледже заявил нескольким студенткам: «Я не читаю лекций *undergraduettes*²³ (недоучкам)».

В 1881 году в Кембридже девушкам разрешили сдавать выпускной экзамен. Впрочем, ученой степени они не получали все равно. Потом настала очередь *the other place*: в 1920 году, через два года после введения в Англии избирательного права для женщин, Оксфорд гарантировал студенткам право на те же академические степени, что и их сверстникам мужского пола. Кембридж присоединился к этому правилу лишь в 1948 году. Тогда же Ньонэм-колледж и Гёртон-колледж вошли в состав университета на равных правах с мужскими колледжами, а их ректоры-женщины получили положенные им место и право голоса в Сенате. И лишь в 2003

²³ Так в Англии принято называть выпускников Оксфорда, Кембриджа и некоторых других элитных университетов.

году впервые за всю восьмисотлетнюю историю университета вице-канцлером Кембриджского университета была избрана женщина – профессор антропологии Элисон Ричард.

Шаг за шагом наступая по всем направлениям, женщины отвоевывали себе права и заняли подобающее место в Оксбридже. В 1908 году, ровно через сорок лет после появления первых *undergraduettes*, знаменитый дискуссионный клуб «Оксфорд-Юнион» решился приглашать девушек – правда, только в качестве слушательниц. «Осквернение священного союза болтовней и ядовитыми духами скучающих дам означало бы конец искусства дебатов», – предупредила в 1930-е годы одна из ведущих национальных газет. Лишь в 1964 году женский филиал «Оксфорд-Юнион» был принят в основной клуб в качестве полноправного члена. А в 1977-м президентом клуба стала студентка ЛМХ Беназир Бхутто, будущая премьер-министр Пакистана. Когда в 1993 году впервые в истории руководителем одного из отделов Британской разведки была назначена женщина – Паулин Невилл-Джонс, *old boys*²⁴ сразу почувствовали, что она «одна из них»; во всяком случае это был Оксфорд, пусть даже и ЛМХ.

Долгое время казалось, что неконтролируемый натиск столь ярких талантов внушает мужчинам страх. В 1927 году конгрегация Оксфордского университета проголосовала за ограничение количества мест для женщин. Каждому из пяти женских колледжей была выделена квота; все вместе они были вправе принять не более семисот восьмидесяти студенток. Лишь в 1956 году эти квоты были официально увеличены в Оксфорде, а в Кембридже и того позже – в 1960 году. Из-за этих ограничений, в частности, женские колледжи были бедны, а значит, талантливые девушки из не слишком обеспеченных семей лишались возможности получать образование в Оксбридже. Впрочем, ситуация постепенно менялась. В 1973 году из десяти тысяч трехсот тридцати одного студента Оксфорда было лишь две тысячи девяносто четыре девушки. А год спустя плотину прорвало: Оксфорд стал смешанным.

Брасенос, Хэртфорд, Джизус, Сент-Кэтринс и Уодхэм – вот первые пять мужских колледжей, решившихся обучать девушек. После принятия Акта о половой дискриминации (1975) остальные колледжи также ощутили необходимость внести изменения в уставы, нередко против воли студентов. Так, девушкам, впервые появившимся в Крайст-Черч-колледже в 1981 году, пришлось пережить *Full Monty*²⁵ по-оксфордски: студенты танцевали во дворе колледжа стриптиз, напомилавший то ли воинские пляски, то ли языческий праздник плодородия. Правда, этот «Танец дождя Крайст-Черч» не стал традицией. Оксбриджские девушки лучше, чем когда-либо прежде, осознавали: учиться придется не просто блестяще, но лучше, чем лучшие из студентов. Писательница Антония Фрээр, выпускница ЛМХ, вспоминает 1950-е: «Всем студенткам моего поколения приходилось писать по два эссе в неделю в отличие от студентов-мужчин, писавших по одному».

Со временем, однако, конкуренция между полами нормализовалась. Но тут статистика выявила новое отклонение. Через год после начала совместного обучения, в 1973-м, примерно по двенадцать процентов студентов и студенток Оксфорда выдержали выпускной экзамен на «отлично»; в 1996 году среди мужчин таковых было уже двадцать три процента, а среди девушек – только четырнадцать. Неужели с мозгами у них все же не столь хорошо? Или они хуже адаптируются к давлению Оксфорда?

Тем временем и колледжи для девушек принципиально менялись. Прошли времена, когда единственным мужчиной в девичьей резервации был садовник. Первым стал принимать студентов-мужчин в 1979 году старейший из женских колледжей, Гёртон; в 1986-м, в год столетнего юбилея, к нему присоединился Сент-Хьюз. Студентки Сомервилл-колледжа протестовали: зачем? что за глупость! Ведь после того как девушкам разрешили оставлять при-

²⁴ Отмеченный многими наградами английский фильм в жанре черной комедии (1997).

²⁵ Букв. «звери Хильды», или «бестии Хильды» (имеются в виду студентки колледжа Св. Хильды).

ятелей-студентов у себя на ночь, отпала всякая необходимость принимать их в колледж на учебу. Впрочем, эти аргументы оказались главе колледжа гораздо менее убедительными, чем статистика «Норрингтонского списка», то есть высших экзаменационных результатов. Пока мужские колледжи не начали принимать студенток, этот знаменитый документ безоговорочно отдавал пальму первенства Сомервилл-колледжу, а с тех пор уже никогда; с подобной проблемой столкнулись Ньунэм-колледж и Нью-холл в Кембридже. Похоже, самые сильные абитуриентки отдают предпочтение смешанным колледжам.

В Гёртон-колледже и Сент-Хьюз-колледже, пионерах женского образования, мужчин тем временем стало больше, чем женщин. «Они погрязли в мужчинах, которых пустили к себе, и утратили свою притягательность», – говорят *Hildabeasts*²⁶, особо воинственные экземпляры из колледжей вымирающего вида, то есть чисто женских.

В Оксбридже сегодня чуть больше сорока процентов учащихся – девушки, как и в большинстве других университетов Британии. И цифра эта давно не меняется, хотя число абитуриенток женского пола постоянно растет. Всего семнадцать процентов профессоров Оксфорда – женщины, а в Кембридже их и того меньше (хотя все-таки больше, чем в университетах Германии). Что это, обратная сторона совместного обучения? Мужские в прошлом колледжи продолжают по инерции приглашать в преподаватели преимущественно мужчин, но ведь и женские в прошлом колледжи ныне отдают им предпочтение. В Сомервилле (и не только) три четверти преподавательского состава – мужчины. Какая ирония! По утверждениям решившихся на протест дам из академической среды, в 1990-е в Оксфорде почти девяносто пять процентов всех назначений и повышений по службе касались исключительно мужчин. Это похоже на дискриминацию по половому признаку, но оксбриджские дамы по-прежнему с большим недоверием относятся к любым предложениям по изменению системы квот.

Не вызывает сомнений, что женщины отвоевали равные с мужчинами права на образование. Они вполне преуспели в качестве *readers* и *lecturers*²⁷ и даже на высших академических должностях. Но, взгляды в лица за *high tables* (высокие, или ректорские столы в столовых колледжей, за которыми сидят старшие преподаватели и почетные гости) или присутствуя на заседаниях факультетских советов, легко усомниться, что отвоеванные права им удалось реализовать в полной мере. По сути, Оксбридж остается миром мужчин, духовным питомником мальчиков из обычных школ и *old boys* – несмотря на аромат «Шанель», порой здесь весьма силен дух мачизма. В царящей атмосфере подиума давление необходимости быть успешной студенткой и одновременно сохранять сексуальную привлекательность, и без того весьма ошутимое, усиливается многократно.

Тем крепче держится Ньунэм-колледж за свой статус: «Членами конгрегации колледжа могут быть только женщины». Именно в Ньунэм-колледже в 1997 году произошел курьезный эпизод. Женщина-астрофизик, за много лет до того перенесшая операцию по изменению пола, была забаллотирована как транссексуал. Инициатором выступила одна из коллег, радикальная феминистка Джермейн Грир: по закону, мол, она по-прежнему считается мужчиной и потому не может входить в управляющие органы женского колледжа.

На ум приходит еще один случай. В 1995 году в Майский день²⁸ – традиционный праздник студентов Оксфорда, кульминацией которого является коллективный прыжок с моста Магдален-бридж, – вместе со всеми прыгнула Черуэлл Джослин Уитчард, студентка колледжа Св. Хильды. Прыгнула обнаженной, «в поддержку борьбы за феминизм и равные возможности». С тех пор последний женский колледж Оксфорда уважительно именуют *St.-Thrillda's*²⁹.

²⁶ Должность *reader* в Оксфорде и Кембридже – следующая по старшинству после профессора и примерно соответствует доценту; должность *lecturers* – на ступень ниже.

²⁷ Праздник, завершающий академический год.

²⁸ Праздник, завершающий академический год.

²⁹ В вольном переводе – Колледж Священного Трепета.

Гром среди ясного неба³⁰: регби, «Бумс!»³¹ и гребная гонка

Гибель Кембриджа как учебного заведения неизбежна, но он имеет большое будущее в качестве места проведения водных спортивных мероприятий.

Бен Лэтэм, ректор Тринити-холла (xix век)

Известная шутка колониальной эпохи характеризует Африку времен британского мирового господства как «страну черных под управлением синих». «Синие»³² – спортивные звезды Оксбриджа, которые различаются по цвету фуфаяк: темно-синие в Оксфорде, голубые в Кембридже. Стать «синим» по-прежнему очень почетно, почти как получить степень бакалавра. Только члены *Varsity-team* – команды, представляющей свой университет на состязаниях, – получают вожделенный «синий». Победа или поражение не имеет значения: Вы становитесь «синим», даже если приходите вторым.

Впрочем, местное академическое учение о цвете различает не только «синий» и «голубой»; есть еще «полный синий» и «наполовину синий» (и то и другое не следует путать с *Oxford Blue*, острым сыром с плесенью). «Полностью синими» в Оксфорде и Кембридже традиционно считаются лишь некоторые виды спорта. Бадминтон, стрельба из лука и настольный теннис – лишь «наполовину синие». В 1997 году вслед за сквошем и баскетболом «полностью синими» были признаны спортивные танцы. Наряду с боксом, крикетом, футболом и легкой атлетикой таковыми издавна являются регби и гребля, королевские дисциплины атлетов Оксбриджа. Впрочем, эстеты вроде Стивена Спендера никогда не чувствовали себя особенно хорошо среди атлетов. Даже Оскар Уайльд лишь по недоразумению вошел в восьмерку Магдален-колледжа: «Не вижу смысла в том, чтобы вечер за вечером спиной вперед добираться до Иффли³³». Однажды студент Тринити-колледжа Вивиан Холланд, сын Уайльда, встретил однокашника, Рональда Фирбэнка, признанного кембриджского денди времен короля Эдуарда. Фирбэнк в спортивной форме шел по направлению к колледжу. Холланд спросил его, чем он занимался. «Играл в мяч». – «Регби или футбол?» – «О, что-то не помню». – «Ну, мяч был круглый или продолговатый?» – «Честно говоря, мне так и не пришлось увидеть его вблизи!»

До XIX века, когда спортивная подготовка в колледжах приняла организованную и даже форсированную форму, студенты отдавали предпочтение гребле, охоте, стрельбе и рыбалке – квадривиуму джентльменского досуга. Сегодня ежегодные соревнования проводятся почти по всем видам спорта: *Cuppers*³⁴ – между колледжами, *Varsity*³⁵ – между университетами. Встреча регбистов обоих университетов на Твикенхэмском стадионе во второй вторник декабря транслируется по телевидению. Этот матч *Varsity* – событие национального масштаба: многие ведущие оксбриджские регбисты рано или поздно становятся профессиональными игроками сборной страны.

³⁰ В оригинале непереводимая игра слов. Выражение *out of the blue* (откуда ни возьмись, гром среди ясного неба) одновременно намекает на принадлежность к спортивной команде Оксфорда или Кембриджа.

³¹ *Bumps* (англ., жарг.) – традиционные оксбриджские соревнования, во время которых вдоль реки выстраиваются несколько команд гребных восьмерок, обычно семнадцать – восемнадцать на расстоянии полутора лодочных корпусов друг от друга. Задача каждой команды – столкнуться с лодкой, стоящей впереди, прежде чем сзади врежется следующая лодка.

³² Участники одного из официальных спортивных соревнований между Оксфордом и Кембрижем.

³³ Населенный пункт на Темзе, в этой части называемой Исидой.

³⁴ Игра на кубок между колледжами (в Оксфорде) (англ., жарг.).

³⁵ Спортивные соревнования университетских сборных команд между Оксфордом и Кембрижем (англ., жарг.).

Спортивное противостояние между Оксфордом и Кембриджем началось с крикета в 1827 году, еще до знаменитой гребной гонки. Крикетные команды обоих университетов, состоявшие исключительно из любителей, играли тогда в высшей лиге вместе с профессиональными командами графства – типичная оксбриджская привилегия. Раз в году они встречались на нейтральной территории, на лондонском поле *Lord's*. Помимо университетских полей *Fenner's* в Кембридже и *The Parks* в Оксфорде, это была единственная крикетная площадка во всей Англии, где можно было бесплатно посмотреть игру команд высшей лиги. Подлинные фанаты «ритуала в белом» (который нам, жителям континента, представляется не менее странным, чем пляски зулусов, посвященные богу плодородия) в анораках и с термосами в руках до сих пор собираются там на открытие сезона в апреле.

Тут самое время остановиться (лучше всего в Оксфорде, в *Cricketer's Arms*), чтобы провозгласить тост за Чарлза Берджесса Фрая. Он трижды становился «синим» в легкой атлетике, крикете и футболе, а также выступал за сборную Англии во всех этих дисциплинах. Будучи студентом Уодхэм-колледжа, в 1893 году он установил мировой рекорд по прыжкам в длину (между двумя сигарными затылками), а потом стал легендарным крикетным бэтсменом. Его партнер по сассекской команде, индийский принц Раньитсинхьи, стал также национальным героем: крикетная карьера принца, начатая в Кембридже, блестяще описана Яном Бурмой в романе «Игра махараджи».

Образ крикетного виртуоза Чарлза Фрая с патриархальной викторианской бородкой, напоминающего «греческого бога с деревянной битой», стал иконой оксфордского клуба *Vincent's*. Среди спортивных клубов обоих университетов этот – один из самых прославленных. В число его членов (а их никогда не бывает более ста пятидесяти) принимают, как гласит устав клуба от 1863 года, с учетом самых разных качеств: «Социальные, физические и интеллектуальные качества учитываются должным образом». Дамы не допускаются в клуб и по сей день, разве что в качестве приглашенных спутниц. Клубу *Vincent's* принадлежит одно из лидирующих мест среди оксбриджских анахронизмов. Его помещение на Кинг-Эдвард-стрит оклеено изнутри фотографиями знаменитых товарищей по клубу, среди которых два премьера (Макмиллан и Дуглас-Хоум), два короля (Эдуард VIII и Олаф Норвежский), вице-король Индии и множество архиепископов. Те, кто носит клубный галстук – три короны на темно-синем фоне, – имеют более высокие шансы в карьерной гонке, особенно внутри *old boys network*³⁶ лондонского Сити.

Когда-то президентом клуба *Vincent's* был невролог сэр Роджер Баннистер, 6 мая 1954 года занявший первое место в забеге на одну милю по оксфордской Иффли-роуд; именно он преодолел магический рубеж четырех минут. Там же в свое время тренировался и лорд Порритт, впоследствии личный врач Георга VI, получивший бронзовую медаль в стометровом забеге на Олимпиаде 1924 года в Париже. Фильмы вроде «Огненных колесниц» (1981, реж. Хью Хадсон), рассказывающие о жизни лорда Порритта, вносят лепту в мифологию оксфордских «синих», как, впрочем, и сегодняшние спортивные знаменитости: звезда крикета Имран Хан или граф Сноудон, так и не получивший ученую степень, зато ставший обладателем заветного звания «синий» как участник победившей в 1950 году кембриджской восьмерки гребцов. «Команду противника нужно по-настоящему ненавидеть, – сказал он, – как на войне. Вы думаете об оксфордцах, как о немцах». Ровно за сто лет до него образцовый викторианский писатель и спортсмен Чарлз Кингсли в романе «Олтон Локк» описал гребную гонку в Кембридже как воплощение имперской *Englishness* (английскости): «В ней проявляется подлинная английская природа... Та, что защищала Гибралтар, одержала победу при Ватерлоо, создала Бирмингем и Манчестер, колонизировала каждый уголок земли – та самая свирепая, серьезная

³⁶ Сеть выпускников Оксфорда и Кембриджа (англ., разг.).

и жесткая энергия, которая со времен римлян была присуща лишь англичанам, отличая их от других народов».

Как сообщают исторические хроники, уже к 1793 году гребля стала одним из самых любимых студентами видов спорта. Если сегодня пройтись по всем колледжам, внимательно разглядывая граффити на стенах, можно даже решить, что Оксбридж – единственная в мире академия гребли. Свежей или выцветшей уже краской чуть ли не на каждой стене намалеваны перекрещенные весла, а над ними – год, несколько имен и таинственная надпись: «Хозяин реки». Такой эмблемой вполне украсит себя тот колледж, чья команда выиграла ежегодный «Бумс!». Гонка «Бумс!» проводится в «Неделю восьмерок»³⁷, именуемую в Кембридже Майской неделей, – иначе говоря, в пятую неделю третьего триместра³⁸. Этой гонкой, сопровождаемой всевозможными концертами, балами и большой попойкой, завершается академический год.

В гонке «Бумс!» восьмерки разных колледжей стартуют друг за другом с определенным интервалом. Каждая лодка пытается догнать предыдущую, чтобы, толкнув, вывести ее из игры. Гонка продолжается четыре дня; в каждом следующем этапе принимают участие лидеры предыдущего, сумевшие подняться на четыре позиции, а абсолютный победитель провозглашается Хозяином реки. Этот странный вид водного спорта зародился и процветает именно в Оксфорде, за Иффлийским шлюзом – там, где Темза слишком узкая для параллельного движения нескольких восьмерок. Ход гонки документируется с 1815 года, когда выиграла команда Брасенос-колледжа. Впрочем, общенациональным хитом остается другая регата, так называемая гребная гонка: дуэль восьмерок Оксфорда и Кембриджа.

Предельно простая по форме, гребная гонка со временем превратилась в нечто гораздо большее, чем просто спортивное мероприятие. Раз в году каждая английская семья да и нация в целом делятся на «синих» и «голубых». На традиционном праздновании победы в отеле «Савой» в 1979 году Гарольд Макмиллан признался: «Мой отец учился в Кембридже, поэтому детьми мы болели за Кембридж, в то время как наша няня страстно соперничала Оксфорду». Не менее решительно высказался автор детективов Колин Декстер, к тому времени уже более тридцати лет проживший в Оксфорде: «Мне по-прежнему хочется, чтобы выиграл Кембридж». Более четырехсот миллионов телезрителей по всему миру ежегодно наблюдают за битвой двух университетских команд, которые не входят не только в мировую, но даже в английскую элиту академической гребли! Просто морок какой-то, совершенно иррациональный, как и сам Оксбридж.

Первая подобная гонка состоялась в 1829 году на Темзе возле Хэнли. Победил Оксфорд. Нынешним маршрутом – от Патни до Мортлейка (в прошлом – деревушки, а ныне районы Лондона) – восьмерки ходят с 1845 года. Начиная с 1856 года соревнования проводятся ежегодно, как правило, в последнюю субботу марта, когда погода наименее предсказуема. Дистанция (четыре мили триста семьдесят четыре ярда, то есть почти семь километров) более чем втрое длиннее олимпийской. Оксбриджским гребцам не угрожают стоячие воды – они борются с коварной, быстрой, полноводной рекой; да и двигаться они должны не прямолинейно, а по S-образной кривой. Идеальная комбинация сложных условий исправно подкидывает случайности. Кембриджская восьмерка перевернулась в 1859 и 1978 годах, оксфордская – в 1925 и 1951-м, а в 1912 году, столкнувшись, перевернулись обе. Но до сих пор ни одна команда не была дисквалифицирована.

³⁷ Принятое в Оксфорде название для пятой недели третьего семестра – праздничной недели в начале июня, когда проводятся гребные гонки восьмерок, балы, концерты, театральные представления и другие мероприятия (в Кембридже – Майская неделя).

³⁸ *Trinity Term* – последний из трех академических триместров, принятых в Англии, пятая неделя которого приходится на начало июня. Букв.: триместр Троицы.

Они тренируются по шесть часов в день, шесть дней в неделю, шесть месяцев в году – мучение похлеще самой гонки. Кембриджцы тренируются на реке Уз, оксфордцы – на Исиде (местное наименование Темзы). Редко когда в командах не бывает спортсменов, импортированных из Америки: президенты оксбриджских клубов рекрутируют лучших гребцов из Беркли, Бостона и Гарварда. Время от времени в гонках участвуют немцы – так, в победившую кембриджскую восьмерку (1998) входили чемпионы мира по академической гребле Марк Вебер и Штефан Форстер.

Кембриджу принадлежит и рекорд трассы – шестнадцать минут девятнадцать секунд (1998), и ее антирекорд – двадцать шесть минут пять секунд (1860). В 1981 году впервые у руля мужской восьмерки села девушка – Сьюзен Браун из Уодхэм-колледжа. И хотя организация оптимальных условий для тренировок в любом случае потребляет немалые спонсорские средства, денежных премий за победу не предусмотрено: кодекс чести любителей – добиться высшего класса не через кассу. Кубок от производителя водки, вручаемый победителям Его Высочеством, – относительно недавнее приобретение. Общий счет (по 2002 год включительно): 77 (Кембридж): 70 (Оксфорд). Ничья была зафиксирована лишь однажды – в «мертвой гонке» 1877 года, когда «Оксфорд выиграл, и Кембридж тоже» (журнал *Punch*).

Вечным неудачником остается университетская восьмерка из Лондона. *Purples* («Лилые») – истинные чемпионы, которых уже много лет не может одолеть никто. Именно по этой причине они отстранены от участия в эксклюзивной национальной дуэли. Вызов, поступивший от тренера лондонцев Марти Эйткена («Лодочная гонка – событие весьма скучное»), что называется, не вписался в поворот. Соответствующим был и ответ, полученный в 1991 году из Оксфорда:

«Это частная гонка между двумя старейшими университетами Англии. Участие Лондона все испортило бы». Тренер кембриджской команды изрек еще одну фразу, ставшую классикой: «Марти – австралиец и не слишком разбирается в культуре». В самом деле, будто цель гонки – всего лишь определить, кто быстрее!

Скорость находится на последнем месте среди приоритетов участников Черепаших гонок. Почти тридцать лет состязания «черепах» между Баллиол-колледжем и Корпус-Кристи-колледжем входят в число важнейших спортивных мероприятий академической среды. Апофеоз медлительности, абсурднейшее из соревнований – вполне в духе Льюиса Кэрролла. К примеру, невозможно забыть финал 1993 года, когда Роза Люксембург, «черепаха» из Баллиола, в драматичнейшем финишном спурте обошла соперницу Томасину из Корпус-Кристи всего на несколько дюймов.

Студенческие клубы: «Жирные бастарды» и «Игроки в блошки»

Клубы. Теперь вступить в «Карлтон», а в начале второго курса – в «Грид». Если захочешь выдвинуть свою кандидатуру в «Союз»... составь себе сначала репутацию в «Чэтеме» или, скажем, в «Кеннинге», и начни с выступления по поводу газеты.³⁹

Ивлин Во. «Возвращение в Брайдсхед» (1945)

Тем, кто посетит Оксфорд в первых числах октября, когда академический год только начинается, и заглянет на Хай-стрит, вероятно, бросятся в глаза объявления особого рода о «ярмарке новичков» в экзаменационной школе. Здесь студенческие союзы и клубы знакомятся с первокурсниками и вербуют новых членов: Клуб короля Артура, «Безумные шляпники», Клуб доктора Кто, Союз звонарей, «Певцы Аркадии», Китайский дискуссионный клуб, сообщество геев, лесбиянок и бисексуалов и, конечно же, клуб *Tiddlywinks*, объединяющий игроков в блошки⁴⁰. Иногда названия интереснее того, что за ними стоит. Но, как правило, все наоборот: то, что скрывается за названием, еще любопытнее. К примеру, Оксфордская гильдия ассасинов – это вовсе не корпорация безжалостных убийц, а *drinking club* (питейный клуб) для избранных, названный в честь тайного объединения персидских ассасинов. Члены клуба «Пушишки»⁴¹ регулярно собираются, чтобы провести комические дебаты под председательством Винни-Пуха, а затем все вместе направляются к мосту Магдален-бридж, чтобы бросать с него в Черуэлл палочки, и это захватывает сильнее, чем гребные гонки.

В Оксфорде существует более двухсот открытых для студентов объединений, не считая спортивных. В Кембридже их не меньше. Много союзов по интересам на любой вкус: политические, религиозные, литературные, музыкальные, этнические объединения, союзы любителей самых экзотических занятий и самых абстрактных тем. Если клуба приверженцев той или иной деятельности пока не существует, не сомневайтесь: он обязательно появится. Ни одно место в мире не сравнится с Оксбриджем по плотности всевозможных союзов на единицу площади. При этом нет никакой чрезмерности, столь характерной для Германии. Клубы – прекрасные подмости для самовыражения молодежи, сообщества талантов, тренировочные площадки всякого рода эксцентриков, волшебные горы дружбы и необузданной общительности.

Возьмем, к примеру, альпинизм, большой спорт оксфордской элиты с XIX века. Впрочем, их Клуб скалолазания собрал покорителей в первую очередь интеллектуальных вершин; одно из достижений – водружение ночного горшка на самый верх Камеры Редклиффа. Очень много спортивных объединений: в Клубе любителей опасного спорта собираются те, кто (впрочем, как большинство обитателей Оксфорда) ищет экстремальных ощущений. Прыжок с моста «Золотые Ворота» в Сан-Франциско члены клуба рассматривают как обязательное упражнение. Несколько безопаснее ритуал инициации в кембриджском Обеденном клубе Клавдия, который носит имя самого прожорливого из римских императоров: новичок должен представить оду пьянству собственного сочинения, причем на латыни.

Свойственная Оксбриджу любовь к странным ритуалам расцвела пышным цветом в клубной среде. Чтобы стать одним из «Жирных бастардов», претендент должен за вечер рас-

³⁹ Цитаты из романа «Возвращение в Брайдсхед» здесь и далее приводятся в переводе И. Бернштейн.

⁴⁰ Игра в блошки – настольная игра, в которой игроки дисками большего диаметра надавливают на край дисков меньшего диаметра, чтобы те, подпрыгивая, как блошки, переворачивались и попадали в горшок, который стоит посередине стола.

⁴¹ Игра в пушишки, или игра в пустяки, придуманная Винни-Пухом, состоит в том, что участники бросают с моста шишки (каждый свою) и, перебежав на другую сторону моста, проверяют, чья шишка выплыла быстрее. Шишки Винни-Пух вскоре заменил палочками (*Pooh-sticks*), потому что их лучше видно, и игра стала называться игрой в пустяки.

правиться с пастушеским пирогом, сливочным тортом и яблочным штруделем, обильно политым ванильным соусом, общим весом в один стоун, то есть шесть килограммов триста пятьдесят граммов. Наплыв, таким образом, уменьшается, обеспечивая эксклюзивность. Но по настоящему эксклюзивные клубы герметичнее масонских лож, и новых членов вербуют отнюдь не на «Ярмарке новичков». Впрочем, лишь немногие так же непритязательны, как кембриджский Метафизический клуб. По уставу, в этом клубе нет никаких должностей: в нем запрещена вообще какая бы то ни было деятельность. Однако столь чистая созерцательность в студенческих клубах – весьма редкое явление.

Лишь небольшое число *dining & drinking societies* издавна вносят лепту в формирование элитарного имиджа Оксбриджа. Ритуалы этих объединений, их идеалы, снобизм и классовые предрассудки не без ностальгии описал в своем первом романе «Упадок и разрушение» Ивлин Во: «На последнем обеде, три года назад, кто-то притащил лисицу в клетке: животное предали казни, закидав бутылками из-под шампанского. Замечательно повеселились три года назад!»⁴² Для самого писателя, учившегося в Хэртфорд-колледже в 1920-е годы, дружба и членство в «серьезных клубах» оказались гораздо важнее выпускного экзамена, сданного им на самую низкую оценку. Любимый клуб Ивлины Во – *The Bullingdon*, ныне называемый *The Bollinger*, – по-прежнему ассоциируется со снобизмом и социальным престижем. Как и основанный в 1884 году *Gridiron Club*, чаще именуемый *The Crid*, в котором состоят кронпринцы, известные политики и писатели, такие как Джон Ле Карре («Я изображал классного парня»). Актер Хью Грант в бытность студентом входил в клуб самых красивых юношей Оксфорда – «Пирс Гавестон». У этого клуба, названного в честь фаворита Эдуарда II, в Кембридже имеется близнец – Клуб Адонисов, куда принимают только мужчин. Женский вариант из Сент-Кэтринс-колледжа – *Alley Catz*⁴³; среди ритуалов, через которые проходят кандидатки, – поедание батончика «Марс», торчащего из мужских трусов (неважно, с мужчиной внутри или без).

Клубы и объединения в современном понимании существуют в Оксбридже с середины XVII века. В те времена все желающие собирались в доме органистов Сент-Джонс-колледжа для совместного музицирования. Ректор Уодхэм-колледжа приглашал знаменитых ученых-естественников для участия в публичных дискуссиях, а в «Копченной селедке» с 1694 года сходились любители искусств и кельтской истории. К середине XVIII века в Оксфорде насчитывалось более сорока клубов: «Вольные циники» и «Аркадцы», *Jellybags*⁴⁴ и «Любители абсурда». Эти «маленькие ночные сборища», как определил клубные вечеринки Джозеф Аддисон, где люди учились общаться и обменивались мнениями, сыграли важную роль в формировании общественного мнения в Англии. Ведь политические союзы возникли гораздо позднее: в 1861 году был основан Каннинг-клуб, а в 1869 году – Ассоциация оксфордских консерваторов (*OUCS*). Именно там в 1945 году началась карьера студентки химического факультета, тогда еще носившей имя Маргарет Робертс, но после свадьбы превратившейся в миссис Маргарет Тэтчер. Впрочем, испытательной ареной для будущей Железной леди стало другое студенческое сообщество – единственное в Оксфорде существующее со времен Регентства по сей день: самый большой и самый знаменитый дискуссионный клуб «Оксфорд-Юнион».

⁴² Перевод С. Белова и В. Орла.

⁴³ Бездомные кошки (в переносном смысле – гулящие девки) (англ.).

⁴⁴ Букв.: мешочки из марли для процеживания желе; устаревшее просторечное название мошонки (англ.).

Оксфорд. История и культура

Переполах у Бычьего брода: краткая история Оксфорда

Эти мне гнусные англичане! Их так и пучит от денег и от запоров. Он, видите ли, из Оксфорда. А знаешь, Дедал, вот у тебя-то настоящий оксфордский стиль.⁴⁵
Джеймс Джойс. «Улисс» (1922)

Особенный, сладко-горький вкус апельсинового джема я изведать гораздо раньше, чем впервые побывал в Оксфорде. Основанная в 1874 году фирма «Оксфордский мармелад Фрэнка Купера» постепенно расширилась далеко за пределы родного города и пробралась во все закоулки Британской империи, где только подают завтрак. Но именем нарицательным Оксфорд стал не только в мире джемов. По месту происхождения называют известное религиозное движение (Оксфордское движение), особую обувь (оксфордские туфли) и мешковатые фланелевые штаны (оксфордские мешки). На место создания указывают названия двух оттенков – оксфордский синий и оксфордский серый, как и особая разновидность викторианских рам для картин – оксфордская рама. По той же причине человек, нуждающийся в искусственном коленном суставе, получит оксфордское колено. И какой студент не слышал об эталонном оксфордском английском и его надменном отражении – оксфордском акценте?

Если вы приближаетесь к Оксфорду со стороны Элсфилда или спускаетесь с холма Литтлмор, перед вами откроется знаменитый вид, получивший благодаря Мэттью Арнольду название *dreaming spires* (грезящие шпили). Город расположился в низине, но каждый, кто захочет его посетить, с какой бы стороны он ни двинулся, неизбежно *goes up to Oxford* (поднимается к Оксфорду). Маленький предлог (*up*) сигнализирует о превосходстве, расползающемся по округе, как апельсиновый джем Купера по стране. Даже название магазина спальных принадлежностей звучит как цитата из дневников Сэмюэля Пеписа: «А теперь в постель».

Покровительствует Оксфорду Св. Фридесвида, англосаксонская принцесса начала VIII века. Легенда гласит, что, спасаясь от настойчивого поклонника, она бежала до самой Темзы, на спине быка перебралась на другую ее сторону, основала там монастырь и творила разные чудеса. Собор Крайст-Черч стоит на том самом месте, где некогда располагался монастырь Св. Фридесвиды, и город вырос вокруг него. Миф о девственной основательнице, столь любимый Средневековьем, и саму святую, чью легенду яркими красками расцветил Эдвард Бёрн-Джонс, теперь можно видеть на витражах собора.

Согласно буквальной этимологии, «Оксфорд» означает «Бычий брод». Но где именно он тогда располагался? У моста Магдален-бридж или возле паромной переправы Хинкси? Самые ранние археологические находки свидетельствуют в пользу нынешнего Фолли-бридж – средневекового большого моста в южной части города. *Oxnaforda* – под этим названием поселение, сложившееся вокруг места, где скот можно было перегнать на другой берег, на пересечении торговых путей с севера на юг и с запада на восток почти в самом центре Средней Англии, – впервые было упомянуто в «Англо-саксонских хрониках» в 912 году. Покрытые галькой берега Темзы и Черуэлла обеспечивали относительную сухость, сами реки – естественную защиту. Поначалу в местечке осели англосаксы; римляне избегали селиться в болотистых низинах.

⁴⁵ Перевод С. Хоружего.

Оксфорд, по-прежнему окруженный со всех сторон (кроме северной) пойменными лугами, – город очень зеленый, и луга его носят поэтические названия: Музыкальный, Ангельский. И поныне луга нередко затапливаются, что в прежние времена случалось еще чаще. В городе очень влажно, часто бывают туманы, что идеально подходит только для садовников и меланхоликов вроде Роберта Бёртона. Биографии выдающихся горожан насыщены катарам дыхательных путей, депрессиями и невротами неясной этиологии. Американец Герман Мелвилл, путешествуя по Европе в 1857 году, указал на одно весьма тонкое различие: «Можно с равной вероятностью подцепить ревматизм как в оксфордских галереях, так и в римских. Но в Дориа-Памфили – опасность заражения, а в Оксфорде – исцеляющая красота». Однако подлинной оксфордской болезнью (не считая, конечно, хронического насморка) Колин Декстер, например, полагал «ту коварную болезнь, что погружает жертву в иллюзию собственной непогрешимости в познаниях и суждениях».

Согласно переписной «Книге Судного дня» за 1086 год, Оксфорд с его тысячью восемнадцатью домами был тогда шестым по величине городом Англии после Лондона, Йорка, Норвича, Линкольна и Винчестера. Городские стены отгораживали прямоугольник площадью примерно в пятьдесят гектаров. Торговый центр «Вестгейт» и гостиница «Истгейт» – ныне всего лишь названия, напоминающие о давно разрушенных городских воротах. Впрочем, от бывшей королевской резиденции, дворца Бомон, осталось немногим больше – только название улицы Бомон-стрит. В западной ее оконечности прежде располагался дворец Генриха I, где родился его внук Ричард Львиное Сердце. Сегодня примерно на том же месте стоит автовокзал. В те времена Оксфорд был растущим торговым городом, центром шерстяной и суконной промышленности Котсуолда. Ткачи и кожевники собирались в гильдии, их магазинчики процветали на Корнмаркет-стрит. Хартия 1155 года, передавшая Оксфорд Генриху II во временное пользование, даровала торговой гильдии привилегии, а горожанам – возможность гордиться тем, что они живут в городе, намного более древнем, чем даже их университет. Вот только теперь никто понятия не имеет, когда и как у Бычьего брода появились первые академики.

Они пришли из Парижа – английские магистры и школяры – то ли просто отправились в странствие, то ли король Генрих II призвал их обратно на родину, когда после его ссоры с Филиппом II Августом Парижский университет был закрыт для англичан. Вот таким загадочным образом около 1167 года было положено начало университету, образовавшемуся в отличие от большинства других европейских университетов без королевского и папского благословения. С тех пор его представители всегда проявляли фантазию в поисках достойных отцов-основателей: были потревожены даже король Альфред и римлянин Брут, в свите которого имелись греческие философы, обосновавшиеся вблизи *Oxina*.

И все-таки – почему именно в Оксфорде? Почему в провинции, а не в столице? Этого никто окончательно не прояснил.

Еще до первой хартии *Universitas Oxoniensis* (1214) проводились неофициальные лекции, шел своего рода учебный процесс, опиравшийся прежде всего на местные монастырские школы. Августинцы, бенедиктинцы, доминиканцы, францисканцы, цистерцианцы, кармелиты – все значимые ордена Средневековья были представлены своими конвентами в Оксфорде. Первым канцлером университета (около 1224 года) стал францисканец Роберт Гроссетест, епископ Линкольнский. Будучи теологом-схоластом, он разработал научную методику, основанную не только на метафизике, – некий сплав католической ортодоксии и аристотелевой логики, включивший элементы оптики, физики и астрономии. Гроссетест стал первым из целой плеяды оксфордских ученых-францисканцев: Роджер Бэкон, Джон Дунс Скот, Уильям Оккам. Именно им (да еще группе математически ориентированных философов из Мертон-колледжа) университет был обязан славой одного из ведущих учебных заведений Европы уже в первые годы существования. «Учитесь так, словно будете жить вечно; живите так, словно завтра умрете» – такой совет давал студентам Св. Эдмунд Абингдонский. Сам он вел аскетический образ жизни,

в 1247 году был причислен к лику святых архиепископом Кентерберийским и сделался оксфордской иконой.

Поначалу студенты жили в так называемых *Halls* (холлах), предшественниках колледжей. Эти *hospitia* (бурсы⁴⁶) представляли собой частные квартиры, снимаемые в городе некоторыми преподавателями для размещения учеников и их обучения. Но лишь колледжи, основанные епископами или членами королевской фамилии, получили статус самостоятельных объединений с собственными уставами. В отличие от бурсы они имели определенный имущественный фонд и связывали себя обязательством постоянно молиться за души основателей. Сложившийся симбиоз науки и почитания мертвых обеспечил коллегиальным учебным заведениям независимость, самоуправление и растущую роль в университетской политике. *Halls*, которых когда-то было более ста двадцати, постепенно вливались в колледжи и поглощались ими. Лишь Сент-Эдмунд-холл дожил до наших дней, так и не обзаведясь основателями.

К концу XII столетия учебные и жилые сообщества объединились в университет, по смыслу представлявший собой не что иное, как *universitas magistrorum et scholarium* – объединение обучающихся и обучающихся, организованных в академическую гильдию, которая, как и другие гильдии, обеспечивала членам правовую защиту и привилегии, в том числе снижение платы за проживание. Наряду с университетами Парижа и Болоньи Оксфордский университет входил в тройку первых высших учебных заведений Европы; высшая школа в Праге присоединилась к ним лишь в 1348 году, а старейший германский университет (Гейдельбергский) – в 1386 году.

Тем временем в Оксфорде сформировалась система, отличная от континентальных. Университет удовлетворил стремление своих академиков самостоятельно выбирать канцлера и тем самым обеспечил относительную независимость от Церкви и Короны, ограниченную лишь автономией собственных колледжей. Федералистское коллегиальное устройство наряду с антицентралистской структурой формирует дух Оксфордского и Кембриджского университетов по сей день. Например, право матрикуляции целиком передано университетом на усмотрение колледжей.

Очень скоро слава Оксфорда стала притягивать ученых и студентов со всей Европы. Они селились в основном в северной и восточной частях города, вокруг университетской церкви Св. Девы Марии. Там возник «латинский квартал», где говорили по-латыни и носили академические мантии. Это был *gown*⁴⁷. Сам *town*⁴⁸ с его торговыми лавками сосредоточился в западной части города, между нынешними Корнмаркет-стрит и Бург-стрит – разделение, которое чувствуется и поныне.

И вот они здесь – переселенцы, сначала на правах субаренды, перелетные птицы, которых постепенно становилось все больше, – они гнездились и размножались, обрастая собственными строениями и обычаями. Город настороженно наблюдал за их бурной жизнью, как за кукушкой, забравшейся в чужое гнездо. Впрочем, нелюбимые чужаки приносили ощутимую прибыль – хозяевам постоянных дворов и торговцам, булочникам, сапожникам, кузнецам, каменщикам – всем представителям сферы обслуживания, развивавшейся вместе с колледжами. Но симбиоз между *town* и *gown* порой омрачался ростом напряженности. С обеих сторон имели место соперничество, враждебность, злоупотребления. А в 1355 году в день Св. Схоластики дело дошло до мятежа.

В тот вторник, 10 февраля, несколько студентов разбранили скверное вино в таверне «Свиндлсток». Полетели кубки. Обычная драка вскоре переросла в уличные бои. Вообще-то в этом тоже не было ничего необычного. Но в течение двух последующих дней толпа горожан

⁴⁶ Помещения для бедных студентов при средневековых духовных семинариях.

⁴⁷ Здесь: университет как сообщество людей, облаченных в мантию.

⁴⁸ Здесь: часть города, не имеющая отношения к университету.

громила студенческие квартиры и убивала студентов. В результате в лужах крови остались лежать шестьдесят три убитых. Король приговорил город к штрафу, который отныне тот должен был выплачиваться по частям на протяжении пятисот лет.

С тех пор каждый год в день Св. Схоластики бургомистр Оксфорда в сопровождении шестидесяти двух горожан совершал свой «путь в Каноссу». После поминальной мессы в церкви Св. Девы Марии представители города передавали вице-канцлеру университета надлежащую часть выплаты – по одному серебряному пенни за каждого убитого студента. Лишь в 1825 году символический покаянный долг был наконец зачтен. Демонстративное примирение состоялось 10 февраля 1955 года: бургомистр стал почетным доктором университета, а вице-канцлер последнего – почетным гражданином города.

Нет сомнений, что горожане с самого начала невзлюбили «мантии» за их привилегии. Хартия 1214 года гарантировала университетским права, которых не было у горожан. Преподаватели – в те времена исключительно из духовенства – подлежали не гражданскому суду, а церковному. Его осуществлял сам канцлер, *cancellarius scolarium Oxonie*, высший университетский авторитет, причем не только в вопросах студенческой дисциплины. Благодаря Суду канцлера в Средние века университет приобрел юридическую власть, которая могла стоить кое-кому головы. Так, в xviii веке служащего одного из колледжей приговорили к смерти только за то, что он украл вино из Брасенос-колледжа. Контроль качества товаров, право лицензировать театральные постановки на тридцать километров вокруг – долгое время оставались университетскими привилегиями.

А собственная судебная власть, Суд вице-канцлера официально прекратила существование лишь в 1977 году.

Оксфордский университет, как и Кембриджский, был насквозь пропитан монастырским духом. Средневековая ученость выросла на этой почве, но церковные и монашеские корни колледжей сохранились лишь во внешних проявлениях, таких как черные мантии, латинские титулы и ритуалы и названия колледжей: *Jesus* (колледж Иисуса), *Trinity* (колледж Троицы), *All Souls* (колледж Всех Святых) и *Corpus Christi* (колледж Тела Христова). Краеугольный камень Магдален-колледжа был заложен в алтарь его часовни – незыблемый символ далекого прошлого.

В те дни, когда в старейших университетах Италии процветали медицина и юриспруденция, в Оксфорде ведущую роль играла *doctrina sacra* (священная доктрина) – Школа богословия, теологический факультет. Не зря Джон Уиклиф назвал Оксфорд виноградником Господним. Джон Уиклиф, теолог и критик Церкви, поначалу сам преподавал в Оксфорде, пока в 1381 году ему это не было запрещено. Благодаря его переводу Библии на английский язык Слово Божие стало доступно каждому, что в те времена казалось ересью. Только среди епископов Кентерберийских xiv века было шесть выпускников Мертон-колледжа. Нынешний глава Англиканской церкви Роуэн Уильямс также защищал диссертацию и преподавал в Оксфорде. Число оксфордских колледжей, основанных епископами, гораздо больше, чем в Кембридже; как и количество епископов и деканов, окончивших именно этот университет. Впрочем, из теологических семинаров выходили и влиятельные политики. Королевская власть нередко выбирала себе министров и канцлеров из верхушки духовенства. Оксфорд, питомник блестящих церковных и государственных деятелей, постепенно превратился в национальный институт, чья история, словно зеркало, отражала историю страны.

К началу xvi века в Оксфорде было около трех тысяч жителей. В эпоху Ренессанса небольшой по-прежнему город превратился в центр интеллектуальной жизни, став вровень с университетами Парижа, Падуи, Саламанки. Новый дух ощутил гуманист Эразм Роттердамский, посетивший Оксфорд в 1499 году. Он прожил в городе три месяца, наслаждаясь диспутами и праздниками; ученого раздражали лишь «недоброжелательство в столь многих людях»

и академическая надменность – старейшие оксфордские пороки. Позднее Эразм осел в Кембридже, хотя, как полагают в Оксфорде, всегда отдавал предпочтение последнему.

Гуманистические идеалы воспитания человека высвободили колледжи из-под влияния Церкви, начиная с библиотек и заканчивая курсами изучаемых наук. На смену средневековым богословским дисциплинам – *divinities* – пришли гуманитарные – *humanities*; вместо схоластического канона предпочтение отдавалось лингвистическому, литературному образованию, основанному на изучении античной литературы. Возник факультет *Litterae Humaniores*⁴⁹, и набор классических дисциплин, вынесенных им на экзамены, получил в Оксфорде название *the Greats* (Великие). Классические филология и история стали прерогативой университета, греческий и латынь для нескольких поколений студентов оставались идеальными языками, позволявшими добиваться успеха в Африке, в Индии и в остальном мире. Те, кто разобрался в устройстве Римской империи, считались способными управлять Британской империей.

Реформацию Оксфорд воспринял в штыки. Приорат Св. Фридесвиды, аббатства Осни, Годстоу, Рьюли со времен Средневековья окружили город венком монастырей, чьи лучшие жемчужины ныне обращены в прах. Когда протестантские реформаторы распустили колледжи и собрались громить их имущество, Генрих VIII отказал им в поддержке: «Уверяю вас, господа, ни одна из английских земель не разме шена лучше той, что отдана нашим университетам, ибо их нынешнее содержание будет разумно управлять нашим государством, когда мы сами умрем и будем гнить в могилах». Так что, хотя ордена и лишились своих колледжей, сами колледжи не прекратили существование: Глостер-холл вошел в Вустер-колледж, Дарем – в Тринити-колледж.

Самый большой из всех, к тому времени еще не достроенный колледж кардинала Уолси, после падения кардинала был заново основан королем, расширен и превращен в Крайст-Черч-колледж, с 1546 года ставший центром нового Оксфордского епископата. Основав также Тринити-колледж в Кембридже, Генрих VIII продемонстрировал, сколь важна для него коллегиальная система обоих университетов. Помимо всего прочего, «свои» теологи призваны были помочь королю возвести Англиканскую церковь в ранг государственной. Впоследствии, когда на трон вошла старшая дочь Генриха Мария и пожелала вернуть в страну католицизм, оксфордские теологи сыграли в этом ведущую, хотя и не самую похвальную роль.

В 1555 году двух сторонников Реформации перевезли из Тауэра в Оксфорд. Именно здесь, а не в Лондоне, епископы Хью Латимер и Николас Ридли предстали перед ортодоксальным университетским церковным судом. Диспут проходил в Школе богословия и представлял собой классический показательный процесс со смертной казнью через сожжение на костре напротив Баллиол-колледжа. Последние слова Латимера вошли в сокровищницу героических цитат Реформации: «Возрадуйся, магистер Ридли, и будь мужчиной. Сегодня мы возождем свечу, которую никогда уже не погасят». Латимер умер быстро. Порох, прикрученный к его шее, скоро взорвался, в то время как костер Ридли никак не хотел разгораться («Я несгораемый!»). Примерно через полгода Мария, все такая же ревностная католичка, как и прежде, отправила в Оксфорд на костер и архиепископа Кентерберийского Томаса Кранмера.

Не менее решительно, хотя и более умеренно, чем ее сводная сестра, университетскую политику проводила Елизавета I. Отныне и на долгое время Оксфорд и Кембридж получили монополию на англиканское образование. Но их сила обернулась слабостью: католикам, иудеям, квакерам, баптистам, атеистам и нонконформистам всех мастей вплоть до XIX века было запрещено учиться в этих университетах. Каждый студент вынужден был приносить клятву на «Тридцати девяти статьях», собрании догматов Англиканской церкви от 1571 года: в Оксфорде – уже в самый момент приема, а в Кембридже – перед выпускным экзаменом.

⁴⁹ Такое название получил курс классической филологии в Оксфорде и некоторых других университетах. То же самое, что *the Greats*. Ныне изучение этого курса позволяет получить степень бакалавра искусств.

Лишь в 1854 году эта весьма сомнительная «проверка совести» была отменена. Однако вплоть до 1871 года инакомыслящие снимались с профессорских должностей и исключались практически из всех академических учреждений.

Старый конфликт между *town* и *gown* достиг причудливой кульминации во время гражданской войны. Университет поддерживал короля, город – парламент. На протяжении четырех лет Оксфорд оставался столицей английских роялистов. Осенью 1642 года изгнанный из Лондона Карл I вместе со свитой и армией отправился в свою академическую резиденцию. Король реквизировал несколько колледжей и переплавил их серебро на военные нужды. Нью-колледж превратился в пороховой склад, в университетских парках расположилась артиллерия. Раз в неделю студенты и преподаватели выходили рыть окопы. Карл обосновался в Крайст-Черч-колледже, королева Генриетта-Мария – в Мертон-колледже. Между ними находилась территория Корпус-Кристи. Чтобы облегчить внутренние передвижения королевских особ, в Садовой стене пробили проход. Деревянная дверь, названная Воротами короля Карла, с тех пор более никогда не открывалась, как заверил меня садовник Корпус-Кристи-колледжа Дэвид Лик, отнюдь не разделявший роялистских убеждений.

24 июня 1646 года Оксфорд был взят парламентскими войсками. Король, переодетый слугой, наклеив бороду, покинул город еще в апреле. А через два года после казни Карла I канцлером университета был избран Оливер Кромвель. Оксфорд вновь оказался *home of lost causes*⁵⁰, поставил не на ту лошадь, ибо монархия вернулась. Как и его отец, Карл II, приезжая в Оксфорд, располагался в Крайст-Черч-колледже, прогуливал в университетском парке своих спаниелей, а в Мертон-колледже разместил любовницу леди Каслмейн. То, что в 1665 году она родила в упомянутом колледже сына, можно отнести к обстоятельствам скорее непредвиденным, однако заведомо менее прискорбным, чем тогдашняя чума, только в Лондоне унесшая жизни семидесяти тысяч человек. В Оксфорде, запасной резиденции короля, дважды заседал английский парламент, в том числе и в 1681 году – в последний раз за пределами Вестминстера.

Из всех королевских династий именно Стюарты в наибольшей степени ощущали свою связь с Оксфордом. Во время их правления, в 1687 году, состоялся «показательный поединок» между короной и университетом. В нарушение документально подтвержденной автономии колледжей король Яков II назначил ректором Магдален-колледжа католика с намерением подчинить Оксфорд влиянию Рима и вернуть Англию на путь истинной веры. Однако он так и не сумел ни запугать членов колледжа, ни убедить их разделить его убеждения. Даже после роспуска они игнорировали навязанного кандидата. Напрасно король приезжал в Оксфорд. За два месяца до собственного падения он сдался. В Магдален-колледже устроили праздничные торжества и зазвонили в колокола. С тех пор каждый год 25 октября члены конгрегации колледжа совместным обедом в ресторане отмечают победу своих предшественников в этом противостоянии.

С самого начала университет искал защиты у короны. Ориел-колледж стал первым формально возглавляемым королевой особой – Эдуардом II. Той же цели служили и *Regius Professorships*⁵¹ – кафедры, основанные монархами, – неизменно отстаиваемые Оксфордом. Но даже и в обмен на близость к власти университет не собирался отдавать автономии. Елизавета I посещала свой «дорогой Оксфорд» дважды, Яков I именовал его «священным храмом Мнемозины», матери всех муз, и только королева Виктория не любила эту «старую монастырскую глушь». Тем не менее старшего сына, принца Эдуарда, она отправила учиться в Крайст-Черч-колледж. Эдуард считал Оксфорд скучным и предпочел Кембридж. А принц Уильям, стар-

⁵⁰ В переносном смысле: у разбитого корыта. Букв.: дом безнадежных дел (игра прямого и переносного смыслов этого выражения неоднократно используется автором в дальнейшем).

⁵¹ Профессора (в англ. университетах все профессора вводят кафедрами или занимают высшие административные должности), чьи кафедры учреждены одним из англ. королей.

ший сын нынешнего принца Чарлза, не остановил выбор ни на одном из этих университетов: он учился в колледже Сент-Эндрюс в Шотландии.

С давних пор у монархов считалось хорошим тоном – и не только внутри английской королевской фамилии – подпитывать своих отпрысков духом оксбриджской учености. Король Норвегии Олаф V послал дочь в Леди-Маргарет-холл, а сына в Баллиол-колледж, который когда-то оканчивал сам. Первым членом японского императорского дома, воспитывавшимся за пределами своей страны, стал наследный принц Нарухито. В 1988 году он получил в Мертон-колледже степень магистра истории, защитив работу о роли Темзы как транспортной артерии в английской истории XVIII века. Там же учились его жена Масако и его брат Акисино. Теперь свидетельство об окончании Оксфорда для японской элиты имеет не меньшую притягательность, чем платье Вивьен Вествуд (в стиле панк) в мире моды.

Сегодня, как и два века назад, одна из самых распространенных претензий к Оксфорду от его жителей и гостей: «Какое движение! Что за шум!» «Центр Оксфорда – настоящий ад. По сравнению с Нью-Йорком в нем раз в пять больше народу, а грохот от транспорта сильнее в шесть раз» (У. Х. Оден). До рога до Лондона занимала два дня, пока скоростные кареты типа «Летающая машина Бью» к 1669 году не научились проходить девяносто километров за день. По причине чересчур оживленного движения экипажей в конце xviii века были срыты последние городские ворота. Сотня почтовых экипажей в день – ну и суматоха!

Более тонкие формы прогресса происходили опять-таки из колледжей. Как-то раз в 1637 году по Баллиол-колледжу распространился совершенно новый, какой-то чужой удивительный запах: аромат кофе! Студент из Греции Натаниэль Конопиос «был первым, кого мне довелось видеть пьющим кофе», – записал в дневнике его однокашник Джон Ивлин.

Первое в Англии кофейное заведение открылось в Оксфорде в 1651 году: оно называлось «Ангел» и располагалось на Хай-стрит, примерно там, где ныне находится «Гранд кафе». Совсем рядом, в «Тильярде», юный Кристофер Рен попивал кофе, полистывая лондонские газеты или беседуя с друзьями по Химическому клубу, будущими горячими головами Королевского общества. Вторая половина xvii века в Оксфорде была не только эпохой *coffee houses* (кофейни), называемых также *penny universities* (однопенсовые университеты), ибо чашка кофе стоила там пенни, но и периодом академического расцвета, временем великих философов, таких как Джон Локк, и физиков, таких как Роберт Хук. Правда, примерно тогда же началось постепенное перерождение колледжей в сплавы джентльменских квартир с клубами.

Богатые отпрыски общественной верхушки, валом повалившие в Оксфорд (и Кембридж) после Реставрации, перекраивали тамошний образ жизни под себя. Попойки, дуэли, девицы – вот в каких дисциплинах пробовали теперь силы молодые люди, а вовсе не в греческом и древнееврейском, как прежде.

В общей сложности четырнадцать месяцев пробыл студентом Магдален-колледжа историк Эдвард Гиббон в 1752–1753 годах, написавший об этом: «Самое бесполезное и бездарное время в моей жизни», ибо профессора, как правило, «только делали вид, что чему-то учат», а то немного, чему они действительно учили, отдавало клерикализмом и реакционерством. Гиббону пришлось оставить университет, когда стало известно, что он католик. Всего год проучился в Оксфорде и знаменитый лексикограф доктор Самюэль Джонсон. Как пишет его друг Джеймс Босуэлл, Джонсон оставил университет, «задавленный бедностью» – ему ни на что не хватало денег. Бедный Джонсон – умнейшая голова в изношенных башмаках.

В xviii веке университет представлял собой классовое общество в миниатюре. В иерархию входили также и малоимущие студенты, которые оплачивали учебу, выполняя обязанности *servitors* (сервиторов), то есть прислуживая богатым *gentlemen commoners* (джентльменам, не нуждавшимся в стипендии и самостоятельно оплачивавшим все расходы) в привилегированных клубах, для которых Крайст-Черч-колледж уже к 1600 году построил специальные апартаменты.

В подобную атмосферу не вписывались братья Уэсли и их друзья. Начиная с 1729 года они собирались в Линкольн-колледже, где Джон Уэсли в ту пору был членом конгрегации, а его брат Чарлз – студентом. Вместе они читали классиков, по воскресеньям – Библию, посещали заключенных в тюрьме, больных, выполняли другую общественную работу. Соученики именovali их Священным клубом, Библейской молью или – из-за особой методичности, с которой они следовали в жизни своим убеждениям, – методистами. Из этих насмешливых названий именно последнее стало впоследствии общеизвестным.

Оксфорд всегда был городом мыслителей и искателей, великих сомневающих и фантастических реформаторов начиная от Джона Уиклифа в XIV веке и на многие столетия вперед. Те, кто 14 июля 1833 года побывал в церкви Св. Девы Марии на Ассизской проповеди, могли гордиться тем, что присутствовали при зарождении Оксфордского движения.

Проповедовал Джон Кибл, профессор поэзии; и прежде всего он сетовал на отступление нации от истинной веры. Повод: угнетение некоторых ирландских епархий; настоящая проблема: независимость Церкви от государства, обращение к истокам католицизма. Радикальные идеи, в которых выкристаллизовалось одно из главных противоречий эпохи, вскоре вышли за пределы Оксфорда, всколыхнув в последующие годы всю нацию, и оказали огромное влияние на культурную жизнь страны.

Оксфордское движение зародилось, как говорят, в гостинице Ориел-колледжа. Именно там встречались и вели беседы три дона, позднее возглавившие движение: Джон Кибл, впоследствии священник, автор популярных гимнов; Эдвард Пьюзи, преподаватель древнееврейского, каноник собора Крайст-Черч, и Джон Генри Ньюмен, викарий церкви Св. Девы Марии. Свои идеи и связанные с ними реформы они пропагандировали в проповедях и трактатах – общим числом тридцать девять, – опубликованных в *The Times*: они призывали вернуться к учению Отцов Церкви, старой форме литургии, священным мистериям; заботиться о бедных в городах, причем не только об их душах. Это была попытка найти срединный путь между римской и англиканской версиями христианства, создать новую англо-католическую веру.

Символической фигурой Оксфордского движения стал Джон Ньюмен. Во время его проповедей церковь Св. Девы Марии заполнялась до отказа. Эти проповеди раскололи Оксфорд.

«Кто был в силах противиться очарованию духовных видений, в тусклом свете дня скользивших по приделам церкви Св. Марии, поднимавшихся вверх, к кафедре, чтобы затем из подлинного восторга голосов обрушиться в молчание слов и мыслей, которые сами являются религиозной музыкой – утонченно, благозвучно, печально?» – так впоследствии описывал Мэттью Арнольд, тогдашний студент, впечатления от проповедей Джона Ньюмена. «Ньюманьяки» во всем подражали своему идолу: и в речи, и в образе жизни. Постились, как он, со страстью курили сигары, чем пробуждали особый гнев противников.

В 1845 году Ньюмен принял католицизм, шокировав даже своих учеников, и покинул Оксфорд. Несколько десятилетий спустя его портрет написал прерафаэлит Джон Эверетт Милле: бледная, аскетичная, харизматическая фигура в ярко-красной кардинальской мантии.

Кибл-колледж, Пьюзи-хаус: в родном городе Оксфордское движение оставило более заметный след, чем где-либо еще, несмотря даже на то, что протестный импульс его давно уже выхолощен англиканским истеблишментом. Остались пропахшие фимиамом высшие церковные чины в церкви Св. Марии-Магдалины да традиционные литургии Высокой Церкви, приближенного к католицизму варианта англиканской веры. На берегу канала в городском квартале Иерихон ныне стоит бывший флагманский корабль Оксфордского движения – церковь Св. Варнавы с позолоченной апсидой, построенная в неоромантическом, неовизантийском стиле. На известной карикатуре XIX века церковь эта изображалась в виде вокзала викторианской эпохи с вывеской: «Св. Варнава, пересадка на Рим!»

Антипапские настроения имели в Оксфорде долгую традицию. Католиков издавна воспринимали как пятую колонну, считали шпионами Франции и Испании, с которыми враждо-

вала Британская империя. Католицизм в политике считался смертным грехом. И вдруг такое: возникло движение, в русле которого число католиков в Англии увеличилось более чем вдвое между 1840 и 1850 годом и достигло восьмисот сорока шести тысяч человек.

Из Оксфорда вышли многие новообращенные: известные писатели – Грэм Грин и Ивлин Во, а также иезуит, автор экстатической лирики Дж. М. Хопкинс и апологет англо-католицизма К. С. Льюис – кстати, среди поклонников его «Хроник Нарнии» числится и Папа Римский Иоанн Павел II. Первым со времен Реформации католиком, которого избрали полноправным членом конгрегации колледжа, стал ректор Баллиол-колледжа (где в 1920-е учился Грэм Грин) Слиггер Уркхарт – один из тех легендарных донов, чей предполагаемый порок приводит друга Лестера Грина из романа Ивлиана Во в столь возбужденное состояние, что, став среди ночи во дворе колледжа, тот громко орет: «Декан Баллиола спит с мужчинами!» В романе Во «Возвращение в Брайдсхед» Джаспер дает кузену Чарлзу актуальный, типично оксфордский совет: «Остерегайся англо-католиков, все они содомиты, к тому же говорят с противным акцентом».

Лишь в 1854 году католики, иудеи и прочие нонконформисты получили официальное разрешение учиться и работать в университете. Отмена присяги на тридцати девяти догматах Англиканской церкви не в последнюю очередь явилась результатом Оксфордского движения.

Но движение настигло Оксфорд с другой стороны – со стороны железной дороги, хотя и с опозданием, как это часто бывает в Англии. До 1844 года университетские доны категорически отвергали идею ее постройки. Почтовые экипажи тогда доезжали до Лондона за шесть часов – к чему давать студентам возможность добираться до соблазнов столицы еще быстрее?

Университет жестко противостоял предложению железнодорожной компании *Great Western Railway* разместить в Оксфорде вагоностроительный завод. В 1865 году предложение принял Суиндон. Сначала казалось, что в городе «грезящих шпилей» у индустриальной революции нет шансов. Правда, в 1790 году здесь, как и повсюду в Англии, все-таки прорыли канал. Связь с Ковентри и угольными месторождениями графств центральной Англии внесла весомый вклад в экономическое развитие города, несмотря на сопротивление университетских донов. Тем не менее первый опыт сотрудничества между *town* и *gown* с того самого несчастливого дня Св. Схоластики состоялся.

Основу оксфордского богатства в Средние века в основном обеспечивали суконщики. Когда они перекочевали в сельскую местность, от утраты промысла выиграли разве что колледжи, которые смогли купить лучшие земельные участки в центре города. К середине XIX века университету принадлежало уже свыше тридцати гектаров земель, более половины старого города. Горожане ютились в узких улочках за Хай-стрит или в нездоровых предместьях. Неоднократно там вспыхивали эпидемии холеры, даже в трущобах квартала Сент-Эббе, в центре которого стоит собор Крайст-Черч. Между 1801 и 1851 годом население города удвоилось и достигло двадцати пяти тысяч человек. Правда, в рабочих кварталах царил бедность. В Оксфорде XIX века упоминания достойна лишь одна отрасль промышленного производства – книгопечатание. И самым крупным работодателем (семьсот пятьдесят рабочих мест) выступает университетская типография.

Название *Oxford University Press* отражает блеск своего владельца и носит его герб: между тремя коронами раскрытая книга с семью печатями и девизом «Господь – свет мой». То, что со Словом Божиим творятся благие дела, было известно еще архиепископу Лауду. В 1636 году он закрепил за своим университетом монопольное право на распространение Библии в «авторизованной редакции» и особую королевскую привилегию – возможность печатать «книги всех мастей». В XIX веке Библии и молитвенники были бестселлерами: их тоннами отправляли на кораблях в Америку и в самые глухие уголки Британской империи. Потом пошли школьные учебники, антологии, энциклопедии, лексиконы, ну и, конечно, легендарный «Оксфордский словарь английского языка». Оксфордские книги превратились в бренд, а *Oxford University Press* – в самое большое университетское издательство в мире.

Но как обстояло дело с условиями труда печатников? В 1830 году издательство вместе с типографией переехало в роскошное здание в предместье Иерихон. Наряду с профессиональными рабочими в типографии работали сотни детей – запреты, действовавшие на фабриках, на нее не распространялись. Мальчики-наборщики, едва достигшие десятилетнего возраста, работали по двенадцать часов в сутки за пять шиллингов в неделю, а некоторые и за половину этой суммы. Их называли наборными дьяволятами. В шестнадцать лет их увольняли, чтобы не платить полную зарплату. Впрочем, в других типографиях викторианской эпохи дела обстояли не лучше. А сейчас? Оксфордские книги печатаются по всему миру, но только не в Оксфорде: в 1989 году университет закрыл типографию по причине неконкурентоспособности.

С тех пор как писатель Уильям Кобетт, посетивший Оксфорд в 1829 году, с презрением отвернулся от колледжей – от «трутней, которых там содержат, и пчел, которых выпускают», – то есть с начала 1830-х, критика академических «башен из слоновой кости» лишь усилилась. Университетская реформа 1854 года модернизировала систему управления и график занятий. В учебный план были включены естественные науки, расширились возможности поступления для неимущих. Двадцать пять лет спустя в Оксфорде появились первые студентки. В 1877 году были сняты еще некоторые ограничения, в том числе запрет на брак для членов конгрегации колледжей. Только тогда в Оксфорде закончилось Средневековье.

К 1900 году население города достигло почти пятидесяти тысяч человек, намного превзойдя по численности университет. В последнем насчитывалось около двух тысяч пятисот студентов, и все они ездили на велосипедах. Из этого увлечения вырос старейший из существующих ныне союзов – Университетский клуб велосипедистов, основанный в 1877 году. Самая высокая в Англии плотность велосипедистов достигается во вполне определенной точке Оксфорда: на перекрестке возле таверны *King's Arms* в конце Брод-стрит. Только в Ханое велосипедистов на улицах больше, чем в Оксфорде. Количество велосипедистов не ускользнуло от внимания и некоего смышленного горожанина, который уже в четырнадцать лет начал ремонтировать студентам велосипеды, в 1901 году открыл собственный велосипедный магазин на Хай-стрит, а впоследствии стал одним из самых успешных автопроизводителей. Это был Уильям Ричард Моррис, лорд Наффилд. В доме № 21 по Лонгуолл-стрит, напротив Оленьего парка Магдален-колледжа, до сих пор находится старый гараж Морриса, материнская ячейка торговой марки *MG*.

В 1913 году первый «Моррис» въехал в Оксфорд с завода, расположенного в городском предместье Каули. Это был маленький, недорогой и невероятно популярный «Моррис» со вздернутым носом. Вскоре с конвейера сходили уже более ста тысяч автомобилей в год.

Другой Уильям Моррис, «увенчанный цветами», после учебы в Оксфорде проповедовал союз искусств, ремесел и социализма, в то время как его тезка впервые обеспечил в городе полную занятость и хорошие зарплаты.

В 1936 году предприятие Морриса стало самым большим автомобильным заводом в мире, за исключением разве что американских. После 1945 года из Оксфорда вышли еще две успешные модели: «Моррис-майнор», ставший в Англии символом послевоенных лет, и «Остин-мини», на котором в «свингующие шестидесятые» ездили абсолютно все – от Твигги до лорда Сноудона. Тогда, в пору расцвета, на автомобильном и сталелитейном заводах в Каули работали почти тридцать тысяч человек. А в 1994 году, когда заводы купила компания *BMW*, после многочисленных слияний там оставалось всего несколько тысяч работников. А ведь модель, построенная на базе «Остина-мини» – английский автомобильный бестселлер в Японии, – и поныне сходит с конвейера в Каули.

В годы бума «Моррисов» рядом с *town* и *gown* вырос и третий Оксфорд – мотополис, как назвал его Джон Бетджемен. В ту пору город Оксфорд стал латинским кварталом Каули, а университет – придатком индустриального города. Это был «мир внутри мира», как вспоминает тогдашний студент Стивен Спендер: «Единственной частью города, где университет оста-

вался Оксфордом, был весьма ограниченный мирок колледжей, церквей, конференц-залов и старых зданий, вкрапленных в красно-кирпичное море индустриального Оксфорда, по которому, подобно кораблям Нового времени возле островов Греции, скользили грузовые и легковые автомобили».

За тридцать лет население города удвоилось, достигнув в 1939 году ста тысяч человек – в первую очередь за счет приезжих из Уэльса и центральных графств. Университет тоже расширился: число студентов выросло с тысячи трехсот в 1850 году до четырех тысяч шестисот в 1931 году, а к концу XX века вновь утроилось. Все больше выпускников государственных школ, студентов-естественников, магистров, бакалавров и девушек вносили свою лепту в общий рост.

В октябре 1934 года молодой философ из Франкфурта предпринял героическую попытку «мыслить противоречивыми категориями» в среде крутых парней из Мертон-колледжа: это был Теодор Визенгрунд Адорно, как он тогда себя называл, изгнанный из Германии национал-социалистами. Среди эмигрантов, нашедших пристанище в Оксфорде в это время, были также австрийский физик, лауреат Нобелевской премии Эрвин Шрёдингер, его коллега из Берлина Николас Курти, ставший впоследствии ведущим физиком-экспериментатором Кларендонской лаборатории во время работы над британской атомной бомбой. Из Гейдельберга приехал историк философии Раймонд Клибански, из Вены – историк искусств Отто Пехт и ученик Шёнберга Эгон Веллеш, преподаватель византийской музыки в Линкольн-колледже, из Гамбурга прибыл Эрнст Кассирер, из Фрайбурга – Эдуард Френкель, первый за всю историю Оксфорда иностранец на кафедре классической филологии. Не зря после массового исхода ученых из Германии и Австрии Оксфорд прозвали «лучшим немецким университетом в Европе». Лирику и эссеисту Михаэлю Гамбургеру, приехавшему сюда ребенком со своей еврейской семьей в 1933 году, пришлось провести в Крайст-Черч-колледже «годы на пыточной скамье», прежде чем, переведя на английский Гёльдерлина, Целана, Грасса и других, он стал одним из самых ярких пропагандистов немецкой литературы в Англии. И Бодлианская библиотека, ныне располагающая значительной частью архивов Феликса Мендельсона-Бартольди, обязана этим немецкому эмигранту – члену конгрегации Баллиол-колледжа Альбрехту Мендельсону Бартольди, потомку композитора.

Сегодня в Оксфорде насчитывается сорок колледжей. Не удивительно, что, если верить старой шутке, американские туристы на улицах нередко спрашивают прохожих: «Где же университет?» Под сенью университета выросло множество самых разных школ – как подготовительных, так и высших, – вдобавок политехникум и секретарский колледж, прозванный студентами *seccies*⁵², десятки языковых школ, летних школ, академий, частных колледжей – и все они отмечены товарным знаком Оксфорда. Кроме того, есть *crammers* (репетиторы), подготовительные курсы, институты вроде *Tutorial Establishment* Эдварда Грина, где аспирантов других университетов за баснословные деньги подтягивают до оксфордского уровня. С тех пор как в автомобильной промышленности наступил спад, образовательная индустрия обеспечивает самую большую статью доходов в экономике города наряду с туризмом. В этой топ-отрасли заняты более ста тысяч человек.

Оксфорд – город книг, самый крупный после Лондона издательский центр в Великобритании. К традиционным столпам экономики принадлежат и оксфордские больницы – узкоспециализированные, как и колледжи. А также фирмы высоких технологий и растущий сектор предприятий сферы обслуживания, в котором сегодня зарабатывают на жизнь более трех четвертей всех работающих в Оксфорде.

⁵² Сокращение от англ. *secretary* (секретарь) во мн. ч., построенное таким образом, чтобы прочитывалась аналогия со словом *sexu* (сексуальный).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.